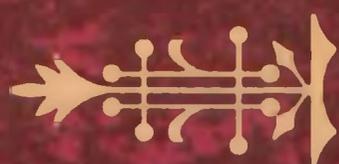

Житие и страдание
отца и монаха Авеля

В.Ф. Одоевский

Русское колдовство
XIX века

Житие и страдание отца и монаха Авеля

В.Ф. Одоевский

Колдовство XIX века

*Письма к графине Е.П. Р...-ой о привидениях,
суеверных страхах, обманах чувств, кабалистике,
алхимии и других таинственных науках*

УДК 133.3:94(47)+271.2-788-055.1-929

ББК 86.42+86.372

Ж71

Житие и страдание отца и монаха Авеля

Публикуется по материалам журналов «Русская Старина» (1875)
и «Русский Архив» (1878).

В. Ф. Одоевский «Колдовство XIX века»

Публикуется по материалам журнала «Отечественные записки» (1839).

ISBN 5-98537-006-2

Ж71

Житие и страдание отца и монаха Авеля /
В. Ф. Одоевский. Колдовство XIX века: Письма
к графине Е.П. Р...-ой о привидениях, суеверных
страхах, обманах чувств, кабалистике, алхимии и
других таинственных науках. – М.: Спецкнига, 2005. – 144 с.

Монах Авель (1757–1841), прозванный современниками Вещим, снискал славу «русского Нострадамуса». Он предсказал с точностью до дня все исторические события в истории России – от смерти Екатерины II до... Как говорят, до самого что ни на есть Апокалипсиса. По свидетельству очевидцев и по его собственному свидетельству, вещий монах написал шесть книг. До нас дошли только две. Но по некоторым версиям, книги его «ужасные и преужасные» хранятся в архивах сверхсекретного отдела, занимавшегося в тридцатые годы прошлого века аномальными явлениями, под руководством чекиста Бокия. В настоящее издание вошла сохранившаяся книга «Житие и страдание отца и монаха Авеля»; отрывок из его «Книги Бытия», материалы допросов Авеля в Тайной экспедиции и его переписка с графиней П.А. Потемкиной.

«Письма» князя В.Ф. Одоевского, особенно «Колдовство XIX века» – широко известны среди интересующихся и серьезно занимающихся проблемами мистического. Впервые опубликованы в «Отечественных записках» за 1839 год.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 133.3:94(47)+271.2-788-055.1-929

ББК 86.42+86.372

ISBN 5-98537-006-2

© В. Меньшов, вступит. статья, 2005

© В. Брызгалова, обложка, оформление, верстка

© Издательство «Спецкнига», 2005

От издателя

Монах Авель (Василий Васильев) /1757–1841/, известный своими удивительно точными предсказаниями, был назван современниками «Вещий Авель», сегодня его часто именуют русским Нострадамусом. С его слов известно, что он якобы написал шесть книг. До нас дошли только две из них – «Житие и страдание монаха Авеля» и «Книга Бытия». В «Житии» Авель пишет о себе от третьего лица. Интересны не только его предсказания, но и сама его жизнь, полная драматизма, противоречий, закрученная в тугую спираль невероятного авантюрного сюжета.

В данное издание вошли: «Житие и страдание монаха Авеля», фрагмент из «Книги Бытия», переписка Авеля с графиней Потемкиной, материалы следственного дела – «Допросы и ответы Авеля в Тайной Экспедиции» и другие статьи и документы, опубликованные в журнале «Русская Старина».

Материалы публикуются в современной орфографии и пунктуации, за исключением собственно «Жития» Авеля и выдержек из его писем и «Книги Бытия». В последнем случае особенности стиля и правописания автора сохранены, правда, надо учитывать, что тексты Авеля прошли корректуру «Русской Старины» и грубые орфографические ошибки были исправлены.

---

* * *

«Письма к графине Е.П. Р...-ой о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, магии, кабалистике и других таинственных науках» были напечатаны под псевдонимом «Безгласный» в разделе «Смесь» в журнале «Отечественные записки» за 1839 год:

Письма I–II – т. 1, № 1, «Смесь» стр. 1–17;

Письма III–IV – т. 2, «Смесь» стр. 1–17;

Письмо V – т. 5, «Смесь» стр. 12–26.

Под псевдонимом «Безгласный» в «Отечественных Записках» публиковал ряд произведений писатель и издатель этого журнала князь В.Ф. Одоевский /1803–1869/, известный как автор «Городка в табакерке» и «Русских ночей».

Наиболее известно и знаменито пятое письмо князя Одоевского – «Колдовство XIX века»: все, интересующиеся проблемами мистического и таинственного периодически сталкиваются со ссылками на это письмо.

«Письма» князя В.Ф. Одоевского мы даем в современной орфографии и пунктуации, сохраняя, однако, в ряде случаев особенности грамматики первой половины XIX века, определяющие авторский стиль и сохраняющие атмосферу времени.

**Житие и страдание
отца и монаха
Авеля**

ПРОРОК В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Авель (Василий Васильев)

18.03.1757, д. Акулово Тульской губернии –
29.11.1841, Спасо-Евфимьевский монастырь,
церковная тюрьма, Суздаль

«Жизнь его прошла в скорбях и теснотах, гонениях и бедах, в крепостях и в крепких замках, в страшных судах и в тяжких испытаниях...»

«Житие и страдания отца и монаха Авеля», опубликовано в 1875 году.

«Оные мои книги удивительные и преудивительные, и достойны те мои книги удивления и ужаса».

Авель – Параскеве Потемкиной

Пророки в нашем отечестве были и есть, да только: «как известно, Парнас наш – Елабуга, а Кастальский ручей – Колыма». Так что русским Нострадамусам приходилось тяжело. Но даже среди них таинственностью, трагизмом и удивительно точными и страшными предсказаниями выделяется монах Авель, получивший прозвище «вещий».

Жизнь этого монаха не уместается в обычные рамки дат рождения и смерти. Да это и не просто жизнь, а самое настоящее житие. Как сам он дерзновенно определил ее, написав в 20-е годы XIX века, лет за двадцать до смерти, «Житие и страдание отца и монаха Авеля». Дерзость в том, что жития принадлежат святым. Так что, называя так свое жизнеописание, монах как бы приравнивал себя к святым. Первым дерзнул свое бытописание назвать житием мятежный и неистовый протопоп Ав-

вакум. Но он сознательно шел против церковных реформ и тем самым противопоставил себя церкви. Монах Авель церкви себя не противопоставлял, более того, всегда оставался глубоко верующим человеком, чтившим церковь.

Объединяли же огнепального протопопа и монаха-предсказателя твердая уверенность в своем предназначении, готовность следовать до конца по пути, определенному свыше, принимая муки и лишения. Аввакум – посылая мучителям проклятия и громовые анафемы, Авель – безропотно и терпеливо. Но оба ни на шаг, ни на слово не отступились от своих пророчеств. А за это приходится расплачиваться во все времена. Не случайно же появилось это словосочетание «житие и страдание».

Пророчества Авеля касались русской истории на огромный временной отрезок – от правления Великой Екатерины до Николая II. А возможно, и далее... По некоторым утверждениям – до самого что ни на есть конца...

Но обо всем по порядку. И для начала откроем пухлый том словаря биографий Брокгауза и Эфрона:

«Авель – монах-предсказатель, родился в 1757 году. Происхождения крестьянского. За свои предсказания дней и часов смерти Екатерины II и Павла I, нашествия французов и сожжения Москвы многократно попадал в тюрьмы, а всего провел в заключении около 20 лет. По приказанию Императора Николая I Авель был заточен в Спасо-Ефимьевский монастырь, где и умер в 1841 году».

Вот что писал само себе Авель в «Житии», напечатанном в журнале «Русская Старина» за 1875 год.

«Сей отец Авель родился в северных странах, в Московских пределах, в Тульской губернии, Алексеевской округи, Соломенской волости, деревне Акулово, в лето от Адама семь тысяч и двести шестьдесят и пять годов (7265), а от Бога Слова в одна тысяча и семьсот пятьдесят и семь годов (1757). Зачатие ему было и основание месяца июня и месяца сентября в пятое число; а изображение ему и рождение месяца декабря и марта в самое равноденствие: и дано имя ему, якоже и всем человекам, марта седьмого числа. Жизни отцу Авелю от Бога положено во-

семьдесят и три года и четыре месяца; а потом плоть и дух его обновится, и душа его изобразится, яко Ангел и яко Архангел».

«...В семье хлебопашца и коновала Василия и жены его Ксении родился сын – Василий один из девятерых детей». Даты рождения указаны самим Авелем по юлианскому календарю. По григорианскому – он родился 18 марта, – почти «в самое равноденствие». Дату своей смерти он предсказал практически точно – умер провидец 29 ноября 1841 года, прожив 84 года и восемь месяцев.

Крестьянскому сыну хватало работы по дому, и потому грамоте он стал приобщаться поздно, в 17 лет, работая на отходном промысле плотником в Кременчуге и Херсоне. Хотя «по специальности» он коновал, но как сам писал: «о сем мало внимаше». Впрочем, его постоянным длительным отлучкам на заработки есть и другая причина. О ней он позже сам поведал на допросах в тайной канцелярии: родители женили Василия против его воли на девице Анастасии, потому он и старался не жить в селении. В юные годы он переносит тяжелую болезнь. Во время болезни с ним что-то происходит: то ли было какое-то видение, то ли он дал обет в случае выздоровления посвятить себя служению Богу, но, чудом выздоровев, он обращается к родителям с просьбой благословить его на уход в монастырь. Вероятно, он и ранее был склонен к другой жизни, опять же, не случайно же по его собственным словам он «человек был простой, без всякого научения, и видом угрюмый».

Престарелые родители кормильца отпустить не пожелали, благословения своего Василию не дали. Но юноша уже не принадлежал себе, и в 1785 году тайно уходит из деревни, оставив жену и троих детей. Пешком, кормясь подаянием, добирается до Петербурга, падает в ноги своему барину – действительному камергеру Льву Нарышкину, служившему при дворе самого государя обершталмейстером. Какими словами увещевал беглый крестьянин своего господина, неведомо, но вольную получил, перекрестился и отправился в путь. Будущий предсказатель проходит пешком по Руси, и добирается до Валаамского монастыря. Там он принимает постриг с именем Ада-

ма. Прожив год в монастыре, он «взем от игумена благословение и отыде в пустыню». Несколько лет живет он в одиночестве, в борьбе с искушениями. «Попусти Господь Бог на него искусы великие и превеликие. Множество темных духов нападаше нань». И в марте 1787 года было ему видение: два ангела вознесли его и сказали ему: «Буди ты новый Адам и древний отец и напиши яже видел еси, и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а только избранным моим и только святым моим».

А в ночь на 1 ноября 1787 года было ему еще одно «дивное видение и предивное», длившееся «не меньше тридцати часов». Поведал ему Господь о тайнах будущего, велев донести предсказания эти народу: «Господь же... рече к нему, сказывая ему тайная и безвестная, и что будет ему и что будет всему миру». «И от того время отец Авель стал вся познавать и вся разуметь и пророчествовать».

Покинул он пустынь и монастырь и пошел странником по земле православной. Так начал вещий монах Авель путь пророка и предсказателя.

«Ходил он тако по разным монастырям и пустыням девять годов», пока не остановился в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии. Вот там, в крохотной монастырской келье, и написал он первую пророческую книгу, в которой предсказал, что царствующая императрица Екатерина II скончается через восемь месяцев. Показал эту книгу настоятелю новоявленный предсказатель в феврале 1796 года. И поехал вместе с книгой к епископу Костромскому и Галицкому Павлу, поскольку настоятель решил, что у того сан поболее и лоб повыше, пускай разбирается.

Епископ прочитал и постучал по лбу посохом. Конечно же, Авелю, дополнив свое мнение выразительной фразой, которая в подлиннике до нас не дошла, видимо, никто такое количество бранных слов записать не решился. Епископ Павел посоветовал провидцу забыть о написанном и возвращаться в монастырь – грехи замаливать, а перед тем указать на того, кто научал его такому святотатству. Но «Авель говорил епископу, что

книгу свою писал сам, не списывал, а сочинял из видения; ибо, будучи в Валааме, пришед к заутрени в церковь, равно как бы апостол Павел восхищен был на небо и там видел две книги и что видел, то самое и писал...».

Епископа перекосило от такого святотатства – надо же, пророк сиволапый, на небо он был «восхищен», с пророком Павлом себя сравнивает! Не решившись просто уничтожить книгу, в которой были «различные царские секреты», епископ накричал на Авеля: «Сия книга написана смертною казнию!» Но и это не образумило упряма. Вздохнул епископ, сплюнул, чертыхнулся сгоряча, перекрестился, вспомнил об указе от 19 октября 1762 года, который за подобные писания предусматривал расстриг из монахов и заключение под стражу. Но тут же всплыло в голове епископа, что «темна вода во облацех», кто его знает, этого пророка. Вдруг и впрямь ему что-то тайное ведомо, все же пророчествовал не кому-то, самой императрице. Епископ Костромской и Галицкий ответственности не любил, потому сплавил упрямого пророка с рук на руки губернатору.

Губернатор, ознакомившись с книгой, не пригласил автора к обеду, а дал ему по физиономии и посадил в острог, откуда бедолагу под строгим караулом, чтобы по дороге речами неразумными и предсказаниями бредовыми людей не смущал, доставили в Петербург.

В Петербурге нашлись люди, искренне заинтересовавшиеся его предсказаниями. Они служили в Тайной Экспедиции и старательно записывали все сказанное монахом в протоколы допросов.

Во время допросов следователем Александром Макаровым простодушный Авель ни от одного своего слова не отказался, утверждая, что мучался совестью девять лет, с 1787 года, со дня видения. Он желал и боялся «об оном гласе сказать Ея Величеству». И вот в Бабаевском монастыре все же записал свои видения.

Если бы не царская фамилия, скорее всего, запороли бы провидца или сгноили в глухих монастырях. Но поскольку пророчество касалось царственной особы, суть дела доложили графу Самойлову, генерал-прокурору. Насколько важно было все,

касавшееся коронованных особ, следует из того, что граф сам прибыл в Тайную Экспедицию, долго беседовал с провидцем, склоняясь к тому, что перед ним юродивый. Он беседовал с Авелем «на высоких тонах», ударил по лицу, кричал на него: «Как ты, злая глава, смел писать такие слова, на земного бога?» Авель стоял на своем и только бубнил, утирая разбитый нос: «Меня научил секреты составлять Бог!»

После долгих сомнений решили все же доложить о предсказателе царице. Екатерине II, услышавшей дату собственной кончины, стало дурно, что, впрочем, в данной ситуации не удивительно. Кому бы при таком известии хорошо стало?! Поначалу она «за сие дерзновение и буйственность» хотела казнить монаха, как и предусматривалось законом. Но все же решила проявить великодушие и указом от 17 марта 1796 года «Ея Императорское Величество... указать соизволила одного Василия Васильева... посадить в Шлиссельбургскую крепость... А вышесказанные писанные им бумаги запечатать печатью генерал-прокурора, хранить в Тайной Экспедиции».

В сырых шлиссельбургских казематах пробыл Авель десять месяцев и десять дней. В каземате он узнал потрясшую Россию новость, о которой ему давно было ведомо: 6 ноября 1796 года, в 9 часов утра, скоропостижно скончалась императрица Екатерина II. Скончалась точно день в день согласно предсказанию вещего монаха.

На трон вошел Павел Петрович. Как всегда по смене власти менялись и чиновники. Сменился и генерал-прокурор Сената, этот пост занял князь Куракин. Разбирая в первую очередь особо секретные бумаги, он натолкнулся на пакет, запечатанный личной печатью генерал-прокурора графа Самойлова. Вскрыв этот пакет, Куракин обнаружил в нем ужасным почерком записанные предсказания, от которых у него волосы дыбом встали. Более всего поразило его сбывшееся роковое предсказание о смерти императрицы.

Хитрый и опытный царедворец князь Куракин хорошо знал склонность Павла I к мистицизму, потому «книгу» сидевшего в каземате пророка он преподнес императору. Немало

удивленный сбывшимся предсказанием Павел, скорый на решения, отдал приказ, и 12 декабря 1796 года поразивший воображение монарха, пахнувший плесенью шлиссельбургского каземата, предсказатель предстал пред царственные очи...

Одним из первых, встречавших Авеля, оставил об этом письменное свидетельство не кто иной как А. П. Ермолов. Да, да, тот самый Ермолов, будущий герой Бородина и грозный усмиритель мятежного Кавказа. Но это потом. А пока... Опальный будущий герой, отсидевший по ложному навету три месяца в Петропавловской крепости, был сослан в Кострому. Там и встретился с таинственным монахом. Встреча эта, к счастью, сохранилась не только в памяти Ермолова, но и была запечатлена им на бумаге.

«...Проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Однажды за столом у костромского губернатора Лумпа Авель во всеуслышание предсказал день и ночь кончины императрицы Екатерины II. Причем с такой поразительной, как потом оказалось, точностью, что это было похоже на предсказание пророка. В другой раз Авель объявил, что намерен поговорить с Павлом Петровичем, но был посажен за сию дерзость в крепость ... Возвратившись в Кострому, Авель предсказал день и час кончины нового императора Павла I. Все предсказанное Авелем буквально сбылось».

Как уже говорилось, наследник престола Павел I был склонен к мистике и не мог пройти мимо страшного предсказания, сбывшегося с ужасающей точностью. 12 декабря князь А. Б. Куракин объявил коменданту Шлиссельбургской крепости Колюбякину прислать в Петербург арестанта Васильева.

Аудиенция была длительной, но проходила с глазу на глаз, и потому точных свидетельств о содержании беседы не сохранилось. Многие утверждают, что именно тогда Авель со свойственной ему прямоотой назвал дату смерти самого Павла и предсказал судьбы империи на двести лет вперед. Тогда же, якобы, и появилось знаменитое завещание Павла I.

В некоторых статьях, посвященных провидцу, приводится его предсказание Павлу I: «Коротко будет царствование твое.

На Софрония Иерусалимского (святой, день памяти совпадает с днем смерти императора) в опочивальне своей будешь задущен злодеями, коих грешь ты на царственной груди своей. Сказано бо в Евангелии: "Враги человеку домашние его".» Последняя фраза – намек на участие в заговоре сына Павла – Александра, будущего императора.

Думаю, исходя из дальнейших событий, вряд ли Авель предсказал Павлу его гибель, потому как император проявил к нему искренний интерес, обласкал, выказал свое расположение и даже издал 14 декабря 1796 года высочайший рескрипт, повелевавший расстригу Авеля по его желанию постричь в монахи. Тогда-то вместо имени Адам он принимает имя Авель. Так что данное предсказание – чистой воды литература, никакими свидетельствами современников не подкрепленное. Все прочие предсказания вещего монаха подтверждаются протоколами допросов, свидетельствами современников.

Некоторое время монах Авель жил в Невской Лавре. В столице пророку скучно, он отправляется на Валаам. Потом неожиданно вечный затворник появляется в Москве, где проповедует и прорицает за деньги всем желающим. Потом так же неожиданно уезжает обратно на Валаам. Оказавшись в более привычной среде обитания, Авель тут же берется за перо. Он пишет новую книгу, в которой предсказывает... дату смерти приласкавшего его императора. Как и в прошлый раз, прятать предсказание он не стал, ознакомив с ним монастырских пастырей, которые по прочтении перепугались и отослали книгу Петербургскому митрополиту Амвросию. Следствие, проведенное митрополитом, выдает заключение, что книга «написана тайная и безвестная, и ничто же ему не понятна». Сам митрополит Амвросий, не осиливший расшифровку предсказаний вещего монаха, в отчете обер-прокурору Святейшего Синода доложил: «Монах Авель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение Ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойного внимания не нашел, кроме открывающегося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о сво-

их тайновидениях, от которых пустыnnики даже в страх приходят. Впрочем, Бог весть». Митрополит переправляет ужасное предсказание в секретную палату...

Книга ложится на стол Павлу I. В книге содержится пророчество о скорой насильственной смерти Павла Петровича, о которой при личном свидании монах либо благоразумно промолчал, либо ему еще не было откровения. Указывается даже точный срок смерти императора, – якобы смерть ему будет наказанием за невыполненное обещание построить церковь и посвятить ее архистратигу Михаилу, а прожить государю осталось столько, сколько букв должно быть в надписи над воротами Михайловского замка, строящегося вместо обещанной церкви. Впечатлительный Павел разъярен и отдает приказ засадить прорицателя в каземат. 12 мая 1800 года Авель заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости.

Но сидеть ему там недолго – тучи вокруг венценосной головы Павла сгущаются. Юродивая Ксения Петербургская, предсказавшая, как и Авель, смерть Екатерины II, пророчествует по всему городу то же, что и Авель, – срок жизни отпущен Павлу I в количестве годов, совпадающем с количеством букв в библейской надписи над воротами.

Народ валом валил к замку, – считать буквы. Букв было – сорок семь.

Обет, нарушенный Павлом I, опять же был связан с мистикой и видением. Караульному в старом Летнем дворце елизаветинской постройки, явился архистратиг Михаил и повелел построить на месте старого дворца новый, посвященный ему, архистратигу. Так говорят легенды. Авель же, провидевший все тайные явления, упрекал Павла в том, что архистратиг Михаил повелел построить не замок, а храм. Таким образом, Павел, построив Михайловский замок, возвел вместо храма дворец для себя.

Известно и явление Павлу его прадеда – Петра Великого, дважды повторившего ставшую легендарной фразу: «Бедный, бедный Павел!»

Все предсказания сбылись в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. «Бедный, бедный Павел» скончался от «апоплексического уда-

ра», нанесенного в висок золотой табакеркой. Царствовал «русский Гамлет» четыре года, четыре месяца и четыре дня, не дожив даже до сорока семи лет, родился он 20 сентября 1754 года.

Как говорят, в ночь убийства с крыши сорвалась огромная стая ворон, огласив всеяющими в сердца ужас криками окрестности замка. Утверждают, что так происходит каждый год в ночь с 11 на 12 марта.

Пророчество вещего монаха сбылось опять(!) через десять месяцев и десять дней. После смерти Павла I Авеля выпустили, спровадив под строгий надзор в Соловецкий монастырь, запретив покидать его.

Но запретить волхвовать вещему монаху не может никто. В 1802 году, украдкой, он пишет новую книгу, в которой предсказывает совершенно невероятные события, описывая «как будет Москва взята французами и в который год». При этом указывается 1812 год и предсказывается сожжение Москвы.

Предсказание становится известно императору Александру I. Обеспокоенный не столько самим предсказанием, казавшимся в то время диким и нелепым, сколько тем, что слухи об этом предсказании будут расходиться и разноситься молвой, государь повелел посадить монаха-предсказателя в островную тюрьму Соловков и «быть ему там дотоле, пока не сбудутся его пророчества».

Пророчества сбылись 14 сентября 1812 года, через десять лет и десять месяцев(!). Наполеон вошел в первопрестольную, оставленную Кутузовым. Александр I обладал прекрасной памятью и тут же, по получении известия о начавшемся в Москве пожаре, диктует помощнику своему, князю А. Н. Голицыну письмо в Соловки: «Монаха Авеля выключить из числа колодников и включить в число монахов на всю полную свободу. Ежели жив, здоров, то ездил бы к нам в Петербург, мы желаем его видеть и нечто с ним поговорить».

Письмо было получено на Соловках 1 октября и вызвало у соловецкого игумена Иллариона нервную дрожь. Видимо, с узником он не церемонился, потому встреча Авеля и императора ничего хорошего лично ему не предвещала. Наверняка узник

нажалуется, а государь за обиды не пожалует. Илларион пишет, что «ныне отец Авель болен и не может к вам быть, а разве на будущий год весною».

Государь догадался, что за «болезнь» у вещего монаха и через Синод повелел: «Непременно монаха Авеля выпустить из Соловецкого монастыря и дать ему паспорт во все российские города и монастыри. И чтобы он всем был доволен, платьем и деньгами». Иллариону отдельно было указано «Дать отцу Авелю денег на прогон до Петербурга».

Илларион после такого указа решил уморить голодом строптивного старца. Возмущенный Авель предрек ему и его помощникам смерть неминуемую. Испуганный Илларион, знавший о пророческом даре Авеля, отпустил его. Но от пророчества нет спасения. Той же зимою на Соловках случился странный мор, сам Илларион скончался, так же «Бог весть от какой хворобы» умерли его подручные, чинившие зло Авелю.

Сам же монах летом 1813 года прибыл в Петербург. Император Александр I в это время находился за границей, и Авеля принял князь Голицын, который «рад бысть ему зело и вопрошал о судьбах Божиих». Беседа была долгой, точно ее содержание никому неизвестно, поскольку разговор шел с глазу на глаз. По свидетельству самого монаха, поведал он князю «вся от начала до конца». Услышав в «тайных ответах» предсказания вещего монаха, по слухам, судьбы всех государей и до конца веков, до прихода антихриста, князь ужаснулся, представить прорицателя государю не решился, снабдив его средствами и спровадив в паломничество по святым местам. Заботы о его материальном благополучии взяла на себя графиня П. А. Потемкина, ставшая его покровительницей и почитательницей.

Несмотря на перенесенные невзгоды и лишения был монах Авель телом крепок и духом могуч. Он побывал в греческом Афоне, в Царьграде-Константинополе, в Иерусалиме. Насидевшись по тюрьмам, он остерегался пророчествовать, да наверняка и князь Голицын сделал ему серьезные внушения, по крайней мере, от пророчеств он воздерживался. После странствий поселился в Троице-Сергиевой Лавре и жил, ни в чем не зная отказа.

К этому времени слава о его пророчествах разошлась по России. К нему в монастырь стали ездить жаждущие пророчеств, особенно досаждали настойчивые светские дамы. Но на все вопросы монах упрямо отвечал, что сам он не предсказывает будущее, он только проводник слов Господа. Так же отказом отвечает он на многочисленные просьбы огласить что-то из его пророчеств.

На подобную просьбу графини Потемкиной он отвечает своей покровительнице так же отказом, только более прямо объясняя причины: «Я от вас получил недавно два письма, и пишите вы в них: сказать вам пророчества то и то. Знаете ли, что я вам скажу: мне запрещено пророчествовать именным указом. Так сказано: ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет, и самого монаха Авеля тоже, и держать их в тюрьмах или острогах под крепкими стражами. Видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство. В тюрьмах лутче быть или на воле, сего ради размысли убо... Я согласился ныне лучше ничего не знать да быть на воле, а нежели знать да быть в тюрьмах да под неволею. Писано есть: буди мудры яко змии и чисты яко голуби; то есть буди мудр, да больше молчи; есть еще писано: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну, и прочая таковая; вот до чего дошли со своею премудростию и с своим разумом. Итак, я ныне положился лутче ничего не знать, хотя и знать, да молчать».

Словом, к ее разочарованию, домашним прорицателем графиня не обзавелась. Но поскольку она покровительствовала предсказателю, Авель согласился вместо пророчеств давать ей советы по ведению хозяйства и другим делам. Графиня с радостью согласилась. Если бы она знала, чем для нее обернутся советы прорицателя!

Получилось же следующее: сын графини, Сергей, поссорился с матушкой, не поделив с ней суконную фабрику. Будучи человеком расторопным, он решил воздействовать на строптивую мать через ее домашнего советчика. Молодой Потемкин стал всячески обхаживать монаха, зазывал его в гости, поил

и кормил. В конце концов, он предложил Авелю взятку в размере двух тысяч рублей, «на паломничество». Монах был вещим, но не был неподкупным. Он поддался соблазну и уговорил графиню уступить сыну завод.

Находившаяся под огромным влиянием Авеля Потемкина уступила его просьбам и сделала так, как он советовал. Но Сергей был ушлым малым, получив свое, он показал Авелю вместо денег неприличный жест. Разобиженный монах взялся настраивать мать против сына, требуя уже с нее две тысячи рублей, как видно, сумма запала ему в душу. Графиня, видимо, во всем разобралась. Очень огорчилась и от огорчения умерла. Авель остался без покровительницы, пришлось ему отправляться в странствия без двух тысяч рублей.

«Знал и молчал» Авель долго. 24 октября 1823 года он поступает в Серпуховской Высоцкий монастырь. Почти девять лет не слышно его пророчеств. Вероятно, в это время он пишет книгу «Житие и страдание отца и монаха Авеля», рассказывающую о нем самом, его странствиях и предсказаниях, и еще одну из дошедших до нас, «Книгу Бытия». В этой книге говорится о возникновении земли, сотворении мира. Никаких пророчеств в тексте, увы, нет, слова просты и понятны, чего нельзя сказать о рисунках в книге, сделанных самим провидцем. По некоторым предположениям они напоминают гороскопы, но в большинстве своем просто не понятны вообще.

Молчание монаха было нарушено вскоре после переселения в Высоцкий монастырь. По Москве поползли упорные слухи о скорой кончине Александра I, о том, что Константин отречется от престола, убоявшись участи Павла I. Предсказывалось даже восстание 25 декабря 1825 года. Источником этих страшных предсказаний был, конечно же, вещий монах.

Как ни странно, на этот раз пронесло, никаких санкций не последовало, тюрьма и сума минули отчаянного предсказателя. Возможно, так случилось потому, что незадолго до этого император Александр I ездил к преподобному Серафиму Саровскому, и тот предсказал ему почти то же самое, о чем прорицал монах Авель.

Жить бы предсказателю тихо и смиренно, да погубила его нелепая оплошность. Весной 1826 года готовилась коронация Николая I. Графиня А. П. Каменская спросила Авеля, будет ли коронация. Он, вопреки прежним своим правилам, ответил: «Не придется вам радоваться коронации». По Москве тут же пошел гулять слух, что не быть Николаю I государем, поскольку все приняли и истолковали слова Авеля именно так. Значение же этих слов было иное: государь разгневался на графиню Каменскую, за то, что в ее имениях взбунтовались крестьяне, замученные притеснениями и поборами, и ей было запрещено показываться при дворе. Тем более – присутствовать на коронации.

Наученный горьким житейским опытом Авель понял, что подобные пророчества ему с рук не сойдут, почел за благо улизнуть из столицы. В июне 1826 года он ушел из монастыря «неизвестно куда и не являлся».

Но по повелению императора Николая I был найден в его родной деревне под Тулой, взят под стражу и указом Синода от 27 августа того же года отправлен в арестантское отделение Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря, главную церковную тюрьму.

Будучи в Высоцком монастыре он, возможно, написал еще одну «зело пристрашную» книгу и, по своему обыкновению, отослал государю для ознакомления. Эту гипотезу более ста лет назад высказал сотрудник журнала «Ребус», некто Сербов, в докладе о монахе Авеле на первом Всероссийском съезде спиритуалистов. Что же мог предсказать Авель императору Николаю I? Наверное, бесславную Крымскую кампанию и преждевременную смерть. Несомненно то, что предсказание государю не понравилось, настолько, что на волю предсказатель больше не вышел.

В протоколах допросов упоминаются пять тетрадей, или книг. В других источниках говорится всего о трех книгах, написанных Авелем за всю жизнь. Так или иначе, увы, все они бесследно исчезли в XIX веке. Книги эти были не книгами, в понимании современного читателя. Это были сшитые между собой листы бумаги. Насчитывали эти книги от 40 до 60 листов.

17 марта 1796 года Министерством юстиции Российской империи было заведено «Дело о крестьянине вотчины Л. А. Нарышкина именем Василий Васильев, находившемся Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, а потом назвавшегося Авелем и о сочиненной им книге, на 67 листах».

Как уже упоминалось, сохранилось всего две книги пророчателя: «Книга Бытия» и «Житие и страдания отца и монаха Авеля». Ни в той, ни в другой книге пророчества не присутствуют. Только описание уже сбывшихся предсказаний. Но император Павел I с тетрадями, приложенными к следственному делу, ознакомился, более того, он беседовал и с самим монахом, согласно многочисленным легендам, после этого появилось знаменитое завещание Павла I, о котором неоднократно упоминали многие мемуаристы. М. Ф. Герингер, урожденная Аделунг, обер-камерфрау императрицы Александры Феодоровны писала в своем дневнике: «В Гатчинском дворце... в анфиладе зал была одна небольшая зала, в ней посередине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан... Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I, Императрицей Марией Феодоровной, и что ею было завещано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины Императора Павла I, и притом только тому, кто в тот год будет занимать Царский Престол в России. Павел Петрович скончался в ночь с 11 на 12 марта 1801 года».

В ларце этом хранилось предсказание, написанное Авелем, по просьбе Павла I. Но узнать подлинную тайну ларца суждено было Николаю II, в 1901 году. А пока...

В арестантской камере закончилось «житие и страдание» монаха Авеля. Произошло это в январе или феврале 1841 года (по другой версии – 29 ноября 1841 года). Напутствованный святыми таинствами, «русский Нострадамус» был погребен за алтарем арестантской церкви Св. Николая.

А что же его пророчество, запечатанное для потомков Павлом I?

Вернемся к мемуарам обер-камерфрау М. Ф. Герингер:

«В утро 12 марта 1901 года <...> и Государь и Государыня были очень оживленны и веселы, собираясь из Царскосельского Александровского дворца ехать в Гатчину вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали они веселы, но возвратились задумчивые и печальные, и о том, что обрели они в этом ларце, никому <...> ничего не сказали. После этой поездки <...> Государь стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для Династии».

Согласно многочисленным легендам, пророчество вещего Авеля предсказывало в точности все, что уже произошло с государями российскими, а самому Николаю II – его трагическую судьбу и гибель в 1918 году.

Надо заметить, что государь отнесся весьма серьезно к предсказанию давно умершего монаха. Дело было даже не в том, что все его пророчества сбылись в точности (справедливости ради заметим – не все, например, он предсказал Александру I, что он умрет монахом, впрочем, если серьезно отнестись к многочисленным легендам о таинственном старце Федоре Кузьмиче, ведшем, по сути, монашеский образ жизни, то...), а в том, что Николаю II были уже и другие пророчества о его несчастной судьбе.

Еще будучи наследником, в 1891 году, он путешествовал по Дальнему Востоку. В Японии его представили известному предсказателю, отшельнику-монаху Теракуто. Сохранилась дневниковая запись пророчества, сопровождавшего государя переводчика маркиза Ито: «...великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою... Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель за его безрассудства...». Отшельник якобы предупредил, что будет вскоре знак, подтверждающий его пророчество.

Через несколько дней, 29 апреля, в Нагасаки, фанатик Тсу-да Сацо бросился на наследника российского престола с мечом. Принц Георг, находившийся рядом с наследником, отразил удар бамбуковой тростью, меч нанес скользящую рану по

голове. Позже повелением Александра III трость эту осыпали алмазами. Радость спасения была велика, но все же смутное беспокойство от предсказания монаха-отшельника остались. И наверняка предсказания эти вспомнились Николаю II, когда он прочел страшные пророчества отечественного предсказателя.

Николай впал в тяжелую задумчивость. А вскоре окончательно уверовал в неизбежность судьбы. 20 июля 1903 года, когда царская чета прибыла в город Саров на торжества, Елена Михайловна Мотовилова, вдова служки преподобного Серафима Саровского, прославленного и чтимого святого, передала государю запечатанный конверт. Это было посмертное послание святого государю российскому. Доподлинно содержание письма осталось неизвестным, но, судя по тому, что государь по прочтении был «сокрушен и даже горько плакал», в письме были пророчества, касавшиеся судеб государства и лично Николая II. Косвенно это подтверждает и посещение в те же дни царской четой блаженной Паши Саровской. По свидетельству очевидцев, она предсказала Николаю и Александре мученическую кончину и трагедию государства российского. Государыня кричала: «Не верю! Не может быть!»

Возможно, это знание судьбы объясняет многое в загадочном поведении последнего императора России в последние годы, его безразличие к собственной судьбе, паралич воли, политическую апатию. Он знал свою судьбу и сознательно шел навстречу ей.

А судьбу его, как и всех предшествовавших ему царей, предсказал монах Авель.

Тетради, или, как сам он их называет, «книги» с предсказаниями монаха Авеля в настоящее время либо уничтожены, либо затеряны в архивах монастырей или сыскных приказов. Утрачены, как утрачены книги пророчеств Иоанна Кронштадтского и Серафима Саровского.

Вещим Авелем были в точности предсказаны судьбы всех государей российских, он предсказал обе мировые войны со свойственными им особенностями, Гражданскую войну и «безбожное иго» и многое другое, вплоть до 2892 года, по про-

року – года конца света. Хотя, все это пересказы версий и рассказов современников, сами же пророчества его пока, как уже писалось, не найдены. По этому поводу существует множество версий, появляются «сенсационные» статьи с заголовками, наподобие вот такого: «Знал ли Путин о предсказании Авеля?»

Не исключено, что предсказания Авеля скрыты где-то в архивах секретного отдела, которым руководил чекист Бокий. Сверхсекретный отдел занимался поисками Шамбалы, паранормальными явлениями, пророчествами и предсказаниями. Все материалы этого сверхсекретного отдела до сих пор якобы не обнаружены.

В письме к Потемкиной Авель сообщал, что сочинил для нее несколько книг, которые и обещал выслать в скором времени. «Оных книг, – пишет Авель, – со мною нет. Хранятся они в сокровенном месте. Оные мои книги удивительные и преудивительные, и достойны те мои книги удивления и ужаса. А читать их только тем, кто уповает на Господа Бога».

В «благодарность» за свои пророчества Авель более двадцати лет жизни провел в тюрьмах.

«Жизнь его прошла в скорбях и теснотах, гонениях и бедах, в крепостях и в крепких замках, в страшных судах и в тяжких испытаниях», – говорится в «Житии и страдании отца и монаха Авеля».

Роковая дата – 2892 года, то есть конца света, часто упоминается в работах о монахе Авеле, но не подтверждена записанными самим пророком предсказаниями. Считается, что книга о приходе антихриста и есть та самая «главная», «достойная удивления и ужаса» книга Авеля.

Пока она не найдена, мы о времени прихода антихриста ничего не знаем. Да и нужно ли знать – ведь это, между прочим, конец света. Конец всего.

Оно нам надо?

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ МОНАХ ЯВЕЛЬ*¹

1757–1841

Александр Михайлович Каховский, брат по матери Алексея Петровича Ермолова, в царствование императора Павла проживал спокойно в своей деревне Смолевичи, находящейся в 40 верстах от Смоленска. Независимое положение Каховского, любовь и уважение, коими он везде пользовался, возбудили против него зависть и ненависть смоленского губернатора Тредьяковского, который заключил по этому случаю дружеский союз с известным в то время доносчиком Линденером. Каховский и все его ближайшие знакомые были схвачены и посажены в разные крепости, под тем предлогом, что будто бы они что-то умышляли против правительства. Приказано было арестовать и А. П. Ермолова проживавшего в то время в Несвиже. Хотя вскоре последовало из Петербурга высочайшее повеление о прощении арестованных, так как извет на них не подтвердился, однако Линденер, донося государю об исполнении его воли, изъявил сожаление, что его величество помиловал шайку разбойников. Через две недели после этого приказано было

---

*¹ Опубликовано в журнале «Русская Старина», 1875, № 2, стр. 414–426.
Предисловие редакции журнала «Русская Старина»

представить Ермолова со всеми его бумагами в Петербург. Здесь не оказалось за ним никакой вины, кроме той, что он – брат Каховского и что оба они «из одного гнезда и одного духа». Ермолов посажен был в Петропавловскую крепость, из которой, через три месяца, был отправлен к костромскому губернатору, для отсылки в леса Макарьева на Унже. По просьбе губернаторского сына, бывшего сотоварища Ермолова по учению, губернатор донес в Петербург, что, в видах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником, он предпочел оставить его в Костроме. Такое распоряжение было одобрено, и Ермолов оставался здесь довольно долго.

«В это время, – рассказывал впоследствии А.П. Ермолов, – проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Находясь однажды за столом у губернатора Лумпа, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычайной верностью. Простившись с жителями Костромы, он объявил им о намерении своем поговорить с государем Павлом Петровичем, но был, по приказанию его величества, посажен в крепость, из которой однако скоро выпущен. Возвратившись в Кострому, Авель тоже предсказал день и час кончины императора Павла. Все предсказанное Авелем буквально сбывалось. Этот Авель находился в Москве во время коронации императора Николая»^{*}.

Кто же был этот прорицатель Авель?

Мы имеем возможность ответить на этот вопрос, так как располагаем документами, относящимися к личности Авеля. Документы эти следующие:

1) Две тетрадки, в малую 8-ю долю, написанные по-славянски; на первой странице этих «книжек» изображены разные кружки, литеры славянской азбуки и точки треугольником, среди которых написано: «печать Господа

^{*} «Чтенія Имп. Общ. Исторіи и древностей російских» 1863 г., книга IV. Смѣсь, стр. 217–222

Бога и Христа его». В этих тетрадках содержатся: а) «Житие и страдание отца и монаха Авеля», б) «Жизнь и житие отца нашего Дадамия», в) «Сказание о существе, что есть существо Божие и Божество», г) «Бытия книга первая».

В одной из этих тетрадок, на 28-ми страницах, находятся разные символические круги, фигуры с буквами славянской азбуки и счета, при них находится краткое толкование.

2) Тетradка (в 16-ю долю) в двух экземплярах, озаглавленная: «Церковныя потребности монаха Авеля», в ней сокращенно изложена «Книга Бытия», помещенная в первых двух тетрадках.

3) 12 писем Авеля к графине Прасковье Андреевне Потемкиной, писанные то по-славянски, то обыкновенным почерком, все письма относятся к 1815 и 1816 годам; и

4) Письмо Авеля к В.Ф. Ковалеву, управляющему фабрикой графине П.А. Потемкиной в Глушкове (1816 год).

Всем этим материалом мы нашли более удобным воспользоваться таким образом, что сначала помещаем жизнеописание Авеля в подлиннике, с изменением только самых крупных орфографических неправильностей и с пропуском некоторых мистических измышлений, затем обращаем внимание на статьи Авеля, заключающиеся в упомянутых тетрадках, наконец говорим о письмах его. Из всех последних документов мы выписываем лишь некоторые, наиболее характерные места.

ЖИТИЕ И СТРАДАНИЕ ОТЦА И МОНАХА АВЕЛА

ЧАСТЬ И ЗАЧАЛО ПЕРВОЕ

Сей отец Авель родился в северных странах, в Московских пределах, в Тульской губернии, Алексеевской округи, Соломенской волости, деревня Акулова, приход церкви Ильи пророк. Рождение сего монаха Авеля в лето от Адама семь тысяч и двести шестьдесят и в пять годов, а от Бога Слова – тысяча и семьсот пятьдесят и в семь годов. Зачатия ему было и основание месяца июня и месяца сентября в пятое число, а изображение ему и рождение месяца декабря и марта в самое равноденствие: и дано имя ему, якоже и всем человеком, марта седьмаго числа. Жизни отцу Авелю, от Бога положено, восемьдесят и три года и четыре месяца, а потом плоть и дух его обновится, и душа его изобразится яко Ангел и яко Архангел. И воцарится <...> на тысячу годов, <...> царство возстанет, когда от Адама будет семь тысяч и триста и пятьдесят годов, в то убо время воцарятся <...> вси избранные его и вси святые его. И процарствуют с ним тысячу и пятьдесят годов, и будет в то время по всей земли стадо едино и пастырь в них един: в них же вся благая и вся преблагая, вся святая и вся пресвятая, вся совершенная и вся пресовершенная. И процарствуют тако <...>, как выше сказано, тысячу и пятьдесят годов, и будет в то время от Адама восемь тысяч и четыреста годов, потом же мертвые возстанут и живые

обновятся, и будет всем решение и всем разделение: которые воскреснут в жизнь вечную и в жизнь бессмертную, а которые предадутся смерти и тлению и в вечную погибель, а прочая о сем в других книгах. А мы ныне возвратимся на первое и окончаем жизнь и житие отца Авеля. Его жизнь достойна ужаса и удивления. Родители его баша земледельцы, а другое у них художество коновальная работа, научили тому ж своего отрока отца Авеля. Он же о сем мало внимаша, а больше у него внимание о Божестве и о божественных судьбах, сие желание ему от юности его, еще от чрева матери своея: и совершися то ему в нынешние года. Ныне ему от рождения девять на десять годов. И пойдя он с сего года в южные страны и в западные, а потом в восточные и в прочие грады и области: и хождаша тако странствуя девять годов. Наконец же сего пришел в самую северную страну, и вселился там в Валаамский монастырь, который Новгородской и Санктпетербургской епархий, Сердобольской округи. Стоит сей монастырь на острову на Ладожском озере, от мира весьма удален. В то время в нем был начальник игумен Назарей: жизни духовной и разум в нем здравый. И принял он отца Авеля в свой монастырь как должно, со всякою любовью, дал ему келью и послушание и вся потребная; потом же приказал ему ходить, вкупе с братиею, в церковь и в трапезу, и во вся нужная послушания.

Отец же Авель пожил в монастыре токмо один год, вникая и присматривая всю монастырскую жизнь и весь духовный чин и благочестие. И видя во всем порядок и совершенство, как в древле было в пустынных монастырях, и похвали о сем Бога и Божью Матерь.

ЗАЧАЛО ВТОРОЕ

Посему ж отец Авель взял от игумена благословение и отыде в пустыню; которая пустыня на том же острову недалеча от монастыря, и вселился в той пустыне един

и соединым. А в них же и между их, сам Господь Бог Вседержитель, вся в них исправляя, и вся совершая, и всему полагая начало и конец и всему решение: ибо Он есть вся и во всех и вся действуя. И начал отец Авель в той пустыни прилагать труды ко трудам, и подвиг к подвигу, и явился от того ему многия скорби и великия тяжести, душевныя и телесныя. Попусти Господь Бог на него искусы, великие и превеликие, и едва в меру ему понести, посла на него темных духов множество и многое: да искусится теми искусами яко злато в горниле. Отец же Авель, видя над собою таковое приключение, и нача изнемогать и во отчаяние приходить; и рече в себе: «Господи помилуй и не введи меня во искушение выше силы моея». Посему же отец Авель нача видеть темных духов и с ними говорить, спрашивая их: кто их послал к нему? Они же отвечаваху к нему и рекоша: «нас послал к тебе тот, кто и тебя в сие место послал». И много у них было разговора и спора, но ничто же их успе, а токмо то в срамоту себе и на поругание: отец Авель показался над ними страшный воин. Господь же видя раба своего таковую брань творяща с безплотными духами и рече к нему, сказывая ему тайная и безвестная, и что будет ему и что будет всему миру: и прочая таковая многая и множество. Темныя же духи ощутили сие, яко сам Господь Бог беседует со отцем Авелем; и бысть вси невидимы во мгновения ока: ужасошася и бежаша. Посему ж взяли отца Авеля два духа... *(Далее составитель жития Авеля рассказывает как он от высших сих получил великий дар проорицания судеб будущего)*... и рекоша ему: «буди ты новый Адам, и древний отец Дадамей, и напиши яже видел еси: и скажи яже слышал еси. Но не всем скажи и не всем напиши, а токмо избранным моим, и токмо святым моим; тем напиши, которые могут вместить наши словеса и наша наказания. Тем и скажи и напиши.» И прочая таковая многая к нему глаголаша.

ЗАЧАЛО ТРЕТЬЕ

Отец же Авель пришел в себя, и нача с того время писать и сказывать, что вместно человеку; сие ему видение было в тридесятое лето жизни его и совершилось в тридесять годов. Странствовать он пошел двадцати годов, на Валаам пришел двадцати и осьми годов; тот год был от Бога Слова – тысяча и семьсот восемьдесят и пять, месяц октябрь, по солнечным первое число. И случися сие ему видение, дивное видение и предивное одному в пустыне – в лето от Адама семь тысяч и двести девяносто и в пятом году, месяца ноября по солнечным в первое число, с полунощи и продолжалась как не меньше тридесяти часов. С того убо время начал писать и сказывать что кому вместно. И велено ему выйти из пустыни в монастырь. И пришел он в монастырь того ж года, месяца февраля в первое число и вшел в церковь Успения Пресвятыя Богородицы. И стал посреде церкви весь исполнен умиления и радости, взирая на красоту церковную и на образ Божия Матери..... *(Далее рассказывается новое видение, будто бы осенившее Авеля, причем будто бы необъяснимая сила)* <...> внидя во внутренняя его; и соединился с ним, якобы един.... человек. И нача в нем и им делать и действовать, якобы природным своим естеством; и дотоле действоваша в нем, дондеже всему его изучи и всему его научи <...> и вселися в сосуд, который на то уготован еще издревле. И от того время отец Авель стал вся познавать и вся разумевать: *(неведомая сила)* наставляя его и вразумляя всей мудрости и всей премудрости. Посему ж отец Авель вышел из Валаамского монастыря, тако ему велено действием *(той силы)*, сказывать и проповедывать тайны Божии и судьбы его. И ходил он тако по разным монастырям и пустыням девять годов, обошел многия страны и грады, сказывал и проповедовал волю Божию и страшный суд Его. Наконец же того время, пришел он на реку Волгу. И поселился в монас-

тырь Николая Чудотворца, званием той монастырь Бабайки, Костромской епархии. В то время настоятель в той обители был именем Савва, жизни простой; послушание в той обители было отцу Авелю: в церковь ходить и в трапезу, и в них петь и читать, а между тем писать и слагать, и книги сочинять. И написал он в той обители книгу мудрую и премудрую, ... в ней же написано о царской фамилии. В то время царствовала в Российской земле Вторая Екатерина; и показал ту книгу одному брату, имя ему отец Аркадий; он же ту книгу показал настоятелю той обители. Настоятель же собрал братию, и сотвориша совет: ту книгу и отца Авеля отправить в Кострому, в духовную консисторию, и бысть тако отправлен. Духовная же консистория: архимандрит, игумен, протопоп, благочинный и пятый с ними секретарь – полное собрание, получили ту книгу и отца Авеля. И спросили его он ли ту книгу писал? И от чего взял писать, и взяли с него сказку, его дело то и отчего он писал; и послали ту книгу и при ней сказку ко своему архиерею. В то время в Костроме был архиерей-епископ Павел. Егда ж получил епископ Павел ту книгу и при ней сказку, и приказал отца Авеля привести пред себя; и сказал ему: «сия твоя книга написана под смертною казнию». Потом повелел его отправить в губернское правление и книгу его с ним. И бысть тако отправлен отец Авель в то правление, и книга его с ним, при ней же и рапорт.

ЧАСТЬ II. ЗАЧАЛО ЧЕТВЕРТОЕ

Губернатор же и советники его приняли отца Авеля и книгу его и видеша в ней мудрая и премудрая, а наипаче написано в ней царския имена и царския секреты. И приказали его на время отвезть в костромской острог. Потом отправили отца Авеля и книгу его с ним на почтовых в Санктпетербург в сенат; с ним же для караула прапорщик и солдат. И привезен бысть прямо в дом генерала Са-

мойлова; в то время он был главнокомандующий всему сенату. Приняли отца Авеля господин Макаров и Крюков. И доложили о том самому Самойлову. Самойлов же рассмотрел ту отца Авеля книгу, и нашел в ней написано: якобы государыня Вторая Екатерина, лишится скоро сей жизни. И смерть ей приключится скоропостижная, и прочая такая написано в той книге. Самойлов же видя сие, и зело о том смутился; и скоро призвал к себе отца Авеля. И рече к нему с яростию глагола: «како ты злая глава смел писать такие титлы на земнаго бога!» и удари его трикраты по лицу, спрашивая его подробну: кто его научил такие секреты писать, и отчего взял такую премудрую книгу составить? Отец же Авель стояша перед ним весь в благости, и весь в божественных действиях. И отвечаая к нему тихим глазом и смиренным взором; рече: меня научил писать сию книгу тот, кто сотворил небо и землю, и вся яже в них: тот же повелел мне и все секреты составлять. Самойлов же сие слыша, и вмени вся в юродство; и приказал отца Авеля посадить под секрет в тайную; а сам сделал доклад самой государыне. Она же спросила Самойлова, кто он (Авель) такой есть и откуда? Потом приказала отца Авеля отправить в Шлюшенбургскую крепость, – в число секретных арестантов, и быть тамо ему до самой смерти живота своего. Сие дело было в лето от Бога Слова – тысяча и семь сот и девяноста в шестом году, месяца февраля и марта с первых чисел. И бысть тако заключен отец Авель в ту крепость, по имянному повелению государыни Екатерины. И был он там всего время – десять месяцев и десять дней. Послушание ему было в той крепости: молиться и поститься, плакать и рыдать и к Богу слезы проливать, сетовать и воздыхать и горько рыдать; при том же ему еще послушание, Бога и глубину его постигать. И проводи тако время отец Авель в той Шлюшенской крепости, до смерти государыни Екатерины. И после того еще содержался месяц и пять дней. Потом же егда скончалась Вторая Екатерина, а вместо ей воцарился сын ея Павел,

и нача сей государь исправлять что ему должно; генерала Самойлова сменил. А вместо его поставлен князь Куракин. И нашлась та книга в секретных делах, – которую написал отец Авель; нашел ее князь Куракин и показал ту книгу самому государю Павлу. Государь же Павел скоро повелел сыскать того человека, который написал ту книгу и сказано ему: тот человек заключен в Шлюшенской крепости, в вечное забвение. Он же немедля послал в ту крепость самого князя Куракина рассмотреть всех арестантов; и спросить их лично, кто за что заключен, и снять со всех железныя оковы. А монаха Авеля взять в Петербург, к лицу самого государя Павла. И бысть тако. Князь Куракин вся исправил и вся совершил: с тех со всех арестантов снял железныя оковы, и сказал им ожидать милость Божию, а монаха Авеля представил во дворец к самому его величеству императору Павлу.

ЗАЧАЛО ПАТОЕ

Император же Павел принял отца Авеля во свою комнату, принял его со страхом и радостью и рече к нему: «Владыко отче благослови меня и весь дом мой: дабы ваше благословение было нам во благое». Отец же Авель на то отвеща к нему: «Благословен Господь Бог всегда и во веки веков». И спросил у него (*царь*), что он желает: в монастырь ли быть монахом, или избери род жизни какую другую. Он же паки к нему отвещал и глагола: «Ваше величество, всемилостивейший мой благодетель, от юности мое желание быть монахом, и служить Богу и Божеству его». Государь же Павел поговорил с ним еще что нужно и спросил у него по секрету: что ему случится; потом тому ж князю Куракину приказал отвести (*Авеля*) в Невский монастырь, в число братства. И по желанию его облечь в монашество, дать ему покой и вся потребная, приказано сие дело выполнить митрополиту Гавриилу от самага государя Павла, чрез князя Куракина. Митрополит же Гавриил видя такое дело,

и со страхом удивися вкупе же и ужасеся. И рече к отцу Авелю: будет вся исполнено по вашему желанию; потом облече его в черное одеяние и во всю славу монашества, по имянному повелению самага государя; и приказал ему митрополит вкупе с братиею ходить в церковь и в трапезу, и на вся нужная послушание. Отец же Авель пожил в Невском монастыре токмо един год; потом паки и абие пошел в Валаамский монастырь, по докладу (*т. е. с разрешения государя*) Павла, и составил там другую книгу, подобну первой, еще и важнее, и отдал ее игумену отцу Назарию, он же показал ту книгу своему казначею и прочим братьям и сотвориша совет послать ту книгу в Петербург митрополиту. Митрополит же получил ту книгу, и видя в ней написано тайная и безвестная, и ничто же ему понятна; и скоро ту книгу послал в секретную палату, где совершаются важные секреты, и государственные документы. В той палате начальник господин генерал Макаров. И видя сей Макаров ту книгу, и в ней написано вся ему непонятная. И доложил о том генералу, который управляет весь сенат; той же доложи самому государю Павлу. Государь же повелел взять с Валаама отца Авеля, и заключить его в Петропавловскую крепость. И бысть тако. Взяли отца Авеля из Валаамского монастыря, и заключили в ту крепость. И был он Авель там, дондеже государь Павел скончался, а вместо его воцарился сын его Александр. Послушание отцу Авелю было в Петропавловской крепости тоже самое, что ему было в Шлюшенбургской крепости, тож самое время и сидел там: десять месяцев и десять дней. Егда ж воцарился государь Александр, и приказал отца Авеля отправить в Соловецкой монастырь: в число оных монахов, но токмо за ним иметь присмотр; потом и свободу получил. И был он на свободе един год и два месяца, и составил еще третью книгу: в ней же написано, как будет Москва взята и в который год. И дошла та книга до самага императора Александра. И приказано монаха Авеля абие заключить в Соловецкую тюрьму, и быть там ему дотолле, когда сбудутся его пророчества самою вещию.

И был отец Авель всего время в Соловецкой тюрьме десять годов и десять месяцев, а на воле там жил – один год и два месяца: и того всего время он препроводил в Соловецком монастыре ровно двенадцать годов. И видел в них добрая и недобрая, злая и благая, и всяческая и всякая: еще ж такие были искусы ему в Соловецкой тюрьме, которые и описать нельзя. Десять раз был под смертью, сто раз приходил во отчаяния; тысячу раз находился в непрестанных подвигах, а прочих искусов было отцу Авелю число многочисленное и число безчисленное. Однако благодатию Божиею, ныне он, слава Богу, жив и здоров, и во всем благополучен.

ЗАЧАЛО ШЕСТОЕ

Ныне от Адама семь тысяч и триста и двадесятый год, а от Бога Слова тысяча и восемь сот и второй на десять. И слышим мы в Соловецком монастыре, яко бы южный царь или западный, имя ему Наполеон, пленил грады и страны и многия области, уже и в Москву вшел. И грабит в ней и опустошает все церкви и вся гражданская, и всяк взывая: Господи помилуй и прости наше согрешение. Согрешихом пред Тобою, и несть достойны нарекатися рабами Твоими; попустил на нас врага и губителя, за грех наш и за беззакония наша! и прочая таковая взываху весь народ и вси людие. В тож самое время, когда Москва взята, вспомни сам государь пророчество отца Авеля; и скоро приказал князю Голицыну, от лица своего написать письмо в Соловецкой монастырь. В то время начальник там был архимандрит Илларион; написано письмо таким образом: «монаха отца Авеля выключить из числа колодников, и включить его в число монахов, на всю полную свободу». Еще ж приписано: «ежели он жив и здоров, то ехал бы к нам в Петербург: мы желаем его видеть и с ним нечто поговорить». Тако написано от лица самаго государя, а архимандриту приписано: «дать отцу Авелю на прогон денег, что должно до Петербурга и вся потреб-

ная». И пришло сие имянное письмо в Соловецкой монастырь в самый Покров, месяца октября в первое число. Архимандрит же егда получил таковое письмо, и видя в ней тако написано, и зело тому удивися, вкупе же и ужасеся. Зная за собою, что он отцу Авелю многия делал пакости и во одно время хотел его совершенно уморить, – и отписал на то письмо князю Голицыну, таким образом: – «ныне отец Авель болен и не может к вам быть, а разве на будущий год весною», и прочая таковая. Князь же Голицын егда получил письмо от Соловецкого архимандрита, и показал то письмо самому государю. Государь же приказал сочинить имянной указ святейшему Синоду, и послать тому ж архимандриту: чтобы непременно монаха Авеля выпустить из Соловецкаго монастыря, и дать ему пашпорт во все российские города и монастыри; при том же что бы он всем был доволен, платьем и деньгами. И видя архимандрит имянной указ, и приказал с него отцу Авелю написать пашпорт, и отпустить его честно со всяким довольством; а сам сделался болен от многия печали: порази его Господь лютою болезнию, тако и скончался. Сей Илларион архимандрит уморил невинно двух колодников, посадил их и запер в смертельную тюрьму, в которой не токмо человеку жить нельзя, но и всякому животному неуместно: перьвое в той тюрьме темнота и теснота паче меры, второе – голод и холод, нужда и стужа выше естества; третье дым и угар и сим подобная, четвертое и пятое в той тюрьме – скудостию одежд и в пищи, и от солдат истязание и ругание, и прочая таковая ругательство и озлобление многое и множество. Отец же Авель вся сия слыша и вся сия видя. И нача говорить о том самому архимандриту, и самому офицеру, и всем капралам, и всем солдатам, рече к ним и глагола: «дети, что тако делаете неугодная Господу Богу, совсем противная Божеству Его? Аще не престаните от злаго таковаго начинания, то вскоре вси погибните злою смертию и память ваша потребится от земли живых, чада ваша осиротеют, и жены ваши останутся

вдовицами!» Они же сия слышаху от отца Авеля такая рече; и зело на него возропташа и сотвориша между собою совет уморить его. И посадили его в теж самыя тяжкия тюрьмы. И был он там весь великий пост, моляся Господу Богу и призывая имя Святое Его; весь в Бозе и Бог в нем; покры его Господь Бог благодатию Своею, и Божеством Своим от всех врагов его. После же того вси погибоша враги отца Авеля и память их погибе с шумом; и остался он един и Бог с ним. И нача отец Авель петь песнь победную и песнь спасительную и прочая таковая.

ЧАСТЬ III. ЗАЧАЛО СЕДЬМОЕ

Посему ж отец Авель взял пашпорт и свободу, во все Российские города и монастыри, и в прочия страны и Области. И вышел из Соловецкаго монастыря месяца июня в первое число. Год тот был от Бога Слова – тысяча и восемьсот и третий на десять. И пришел в Петербург прямо ко князю Голицыну, имя ему и отчество Александр Николаевич, господин благочестив и боголюбив. Князь же Голицын видя отца Авеля, и рад бысть ему до зела; и нача вопрошать его о судьбах Божиих и о правде Его, отец же Авель начал ему сказавать вся и обо всем, от конца веков и до конца. И от начала времен до последних; он же слышася и ужасеся и помысли в сердце другое; потом послал его к митрополиту явиться ему благословиться от него: отец же Авель сотворил тако. Пришел в Невский монастырь, и явился митрополиту Амвросию; и рече ему: «благослови владыко святой раба своего и отпусти его с миром и со всякою любовию». Митрополит же увидел отца Авеля, и слыша от него такая рече и отвецал к нему: «благословен Господь Бог Израилев, яко посети сотвори избавление людем Своим и рабу Своему монаху Авелю». Потом благослови его и отпусти, и рече к нему, «буди с тобою во всех путех твоих Ангел Хранитель»; и прочая таковая изрече и отпусти его с великим довольством. Отец же Авель, видя у себя

пашпорт и свободу во все края и области, и потече из Петербурга к югу и к востоку, и в прочия страны и области. И обошед многая и множество. Был в Цареграде и в Иерусалиме, и в Афонских горах; оттуда же паки возвратился в Российскую землю: и нашел такое место, где вся своя исправил и вся совершил. И всему положил конец и начало, и всему начало и конец; там же и жизнь свою скончал: пожил на земли время довольно, до старости лет своих. Зачатия ему было месяца июня, основания сентября; изображения и рождения, месяца декабря и марта. Жизнь свою скончал месяца генваря, а погребен февраля. Тако и решился отец наш Авель. Новый страдалец... Жил всего время – восемьдесят и три года и четыре месяца. В дому отца своего жил девять на десять годов. Странствовал девять годов, потом в монастырях девять годов; а после того еще отец Авель проводи десять годов и семь на десять годов: десять годов проводи в пустынях и в монастырях, и во всех пространствах; а семь на десять годов отец Авель препроводи жизнь свою – в скорбях и в теснотах, в гонениях и в бедах, в напастях и в тяжестях, в слезах и в болезнях, и во всех злых приключениях; еще ж сия жизнь ему была семь на десять годов: в темницах и в затворах, в крепостях и в крепких замках, в страшных судах, и в тяжких испытаниях; в том же числе был во всех благостях и во всех радостях, во всех изобильствах и во всех довольствах. Ныне же отцу Авелю дано пребывать во всех странах и во всех областях, во всех селах и во всех городах, во всех столицах и во всех пространствах, во всех пустынях и во всех монастырях, во всех темных лесах, и во всех дальних землях; ей тако и действительно: а ум его ныне находится и разум – во всех твердях... во всех звездах и во всех высотах, во всех царствах и во всех государствах... в них ликуя и царствуя, в них господствуя и владычествуя. Сие верное слово и действительное. Посему ж и выше сего, дух Дадамей и плоть его Адамия родится существом... И будет тако всегда и непрестанно и тому не будет конца, ей тако. Аминь.

ПРОРИЦАТЕЛЬ ЯВЕЛЬ*

Из русской простонародной жизни, иногда из самой темной среды ее, не раз выступали на свет Божий люди с несокрушимой верою в свои убеждения, гласно выражаемые без страха, до самоотвержения. Таинственная душевная напряженность и странные толки этих людей затрагивали не только житейскую обстановку, но шли и дальше. Бедный дворянин Тверитинов является с протестом против Петра I-го и письменную жалобу на него Богу кладет, в присутствии государя, в церкви, на паникадило перед святою иконою. Тамбовский крестьянин Кондратий Селиванов создает целое вероучение, совращает множество людей в скопчество и в течение слишком полувека простирает свое влияние на все сословия и на всю Россию. Донской неграмотный казак борется почти два года с Екатериною и потрясает основами России. Эти люди, при всей нелепости, безобразии и нередко чудовищности умонастроения своего, конечно заслуживают изучения психологического. Они остаются яркими пятнами на исторической картине нашего бытописания, и не обращать на них внимания невозможно.

---

* Опубликовано в журнале «Русский Архив», 1878, т. II, 23, стр.353–365

Монах Авель проявил тоже замечательную душевную силу, но он ограничивался одними предсказаниями и оставил несколько мистически-литературных произведений о творении мира и человека – смесь библейских сказаний с собственными добавлениями, часто непонятными. Наполненные вставками из Священного Писания, они конечно занимали простой народ вроде так называемого «Сна Богородицы», который хранился у русских людей как талисман и драгоценность: переписчики брали за него хорошие деньги. Темные слухи об Авеле и его прорицаниях до сих пор ходят по России. Несомненно, что он предвещал кончину Екатерины и Павла, а потом разорение Москвы неприятелем. Несколько сведений о нем и сами его произведения напечатаны в «Русской Старине» 1875 (I, 414 и 815). Но и самое делопроизводство о нем сохранилось под заглавием: «Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Василии Васильеве, находившимся Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, и потом названном Авелем и о сочиненной им книге. Начато марта 17-го 1796 года 67 листов». Дело это отослано было 29-го августа 1812 года к министру юстиции Дмитриеву по предложению его, а в 1815 году возвращено в архив от министра юстиции Трощинского. Представляем извлечение из этого дела.

* * *

А вель родился в 1757 году в Тульской губернии Алексинского уезда, в деревне Акуловой, и происходил из Нарышкинских крестьян. С раннего возраста он начал странствовать по разным местам и постригся в Валаамском монастыре Новгородской епархии. Из этого монастыря он отошел в пустынь, а потом достиг реки Волги и вселился в монастырь Николая чудотворца, прозываемый Бабаевским, тот самый, где недавно скончался памятный Москве преосвященный Леонид. Вот тут-то он и написал

те тетради, которые наделали ему столько бед и хлопот и содержание которых выяснится ниже.

Владимирский и Костромской генерал-губернатор генерал-поручик Заборовский, письмом к графу А. Н. Самойлову от 19-го февраля 1796 года, сообщил секретно, что преосвященный Павел, епископ Костромской и Галицкий, прислал Авеля в Костромское наместническое правление с сочиненною им книгою и его собственноручным показанием. «Для извлечения признания от сего сумасброда и злодея, не имеет ли он участников, сделан был ему новый допрос секретно правителем наместничества, но без всякого успеха, кроме темного показания о некоем еврее Феодоре Крюкове, которого Авель признавал Мессиею и которого он видел в Орле». Авеля, закованного в железы, сочиненную им книгу и два допроса, сделанные ему преосвященным Павлом и генералом Заборовским, препроводили в Петербург под крепким и строгим караулом прапорщика Масленикова и одного унтер-офицера.

Авель говорил епископу Павлу, что книгу свою писал сам, не списывал, а сочинял из видения, ибо, будучи в Валааме, пришед к заутрени в церковь, равно как бы Павел апостол, восхищен был на небо и там видел две книги и что видел, то самое и писал, но никому своего сочинения не разглашал. С церковью во всех догматах он согласен и никакого сомнения и раздора не имеет. Предтечею Гоговым именовал он себя и то писал о себе также по тому видению. Касательно же на 16 странице написанных им имен, разумеется они царские и на обороте той страницы сии речи: «ныне ей есть от рождения свыше шестидесяти, а егда муж ея даде ей власть, свыше трех десяти годов» и далее, поминал он о владеющей ныне государыне императрице Екатерине Алексеевне. Все оное видел он при восхищении его на небо. Однако же все это за истину не утверждает, поелику отнести может сие к искушению вражескому.

Епископ Костромской, находя в книге Авеля ересь, полагал, что за это, на основании указа 1737 года 14 ноября, его

следовало бы предать светскому суду; но как в книге своей он приводит дерзостный и вредный толк об особе императрицы и о ее царском роде, в чем заключается секрет важный, относящийся до первых двух пунктов, то, сняв с Авеля монашеское одеяние (на основании указа 1762 года октября 19-го) для исследования и поступления по законам, епископ за караулом представил его в Костромское наместническое правление.

В Валаамском монастыре было ему видение, что ожидаемый жидами Мессия уже явился и что найдет его в Орле между торгующими Жидами под именем Феодора Крюкова; по сему видению Абель пошел в Орел и отыскал названного Крюкова, разговаривал с ним о Священном Писании и получил от него приглашение еще свидеться в том же году в Киеве. Воротился Абель опять в Валаам, отсюда предпринял поход в Царь-град через города Орел, Сумы, Харьков, Полтаву, Кременчуг и Херсон. Через все помянутые места проходил он с плакатным пашпортом. Из Херсона съехал в Царь-град морем с одним достаточным херсонским греком.

Все вышеизложенное было прислано графу Самойлову вместе с Авелем, при котором найдено денег 1 рубль 18 копеек.

В это время у Екатерины уже готовы были бумаги о предоставлении престолонаследия великому князю Александру Павловичу.

В Тайной Экспедиции, 5 марта 1796 года, Абель дал нижеследующие показания.

ДОПРОСЫ И ОТВЕТЫ АВЕЛЯ В ТАЙНОЙ

Вопрос. Что ты за человек, как тебя зовут, где ты родился, кто у тебя отец, чему обучен, женат или холост и если женат, то имеешь ли детей и сколько, где твой отец проживает и чем питается?

Ответ. Крещен в веру греческого исповедания, которую содержа повинуется всем церковным преданиям и общественным положениям, женат, детей имеет троих сыно-

вей; женат против воли и для того в своем селении и жил мало, а всегда шатался по разным городам.

Вопрос. Когда ты говоришь, что женат против воли и хаживал по разным местам, то где именно и в чем ты упражнялся и какое имел пропитание, а домашним пособие?

Ответ. Когда ему было еще 10 лет от роду, то и начал он мыслить об отсутствии из дому отца своего с тем, чтобы идти куда-либо в пустыню на службу Богу, а притом, слышав во Евангелии Христа Спасителя слово: «аще кто оставит отца своего и мать, жену и чада и вся имени Моего ради, той сторицею вся примет и вселится в царствии небесном», он, внемля сему, вящше начал о том думать и искал случая о исполнении своего намерения. Будучи же 17 лет, тогда отец принудил его жениться; а по прошествии несколько тому времени начал он обучаться российской грамоте, а потом учился он и плотничной работе. Поняв частию грамоте и того ремесла, ходил он по разным для работ городам и был с прочими в Кременчуге и Херсоне при строении кораблей. В Херсоне открылась заразительная болезнь, от которой многие люди, да и из его артели товарищи, начали умирать, чему и он был подвержен; то и давал он Богу обещание, ежели его Богу угодно будет исцелить, то он пойдет вечно Ему работать в преподобии и правде, почему он и выздоровел, однако ж и после того работал там год. По возвращении же в свой дом стал он проситься у своего отца и матери в монастырь, сказав им вину желания своего, они же, не разумея его к Богу обета его от себя не отпускали. Он же, будучи сим недоволен, помышлял, как бы ему к исполнению своего намерения уйти от них тайно, и через несколько времени взял он плакатный пашпорт под образом отшествия из дому для работы, пошел в 1785 году в Тулу, а оттуда через Алексин, Серпухов, Москву, пришел в Новгород, из коего водою доехал до Олонца, а потом пришел к острову Валааму, с коего и переехал в Валаамский монастырь, а из него в Валаамскую пустынь.

ПРОРИЦАТЕЛЬ АВЕЛЬ

Вопрос. В обоих сих местах, как в монастыре, так и пустыне, начальники и братия какой жизни и поведения, и нет ли от них каких мирских соблазнов, и в чем ты там упражнялся?

Ответ. Настоятели сих обителей жития честного и трудолюбивого, и никаких он ни от кого не видал мирских соблазнов, а он труждался в монастырском послушании.

Вопрос. Какой тебе год и откуда был глас и в чем он состоял?

Ответ. Когда он был в пустыни Валаамской, во едино время был ему из воздуха глас, яко боговидцу Моисею пророку и якобы наречено ему тако: иди и скажи северной царице Екатерине Алексеевне, иди и рцы ей всю истину, еже аз тебе заповедую. 1-е скажи ей, егда воцарится сын ея Павел Петрович, тогда будет покорена под ноги его вся земля Турецкая, и сам султан, и все греки, и будут они ему данники, а 2-е, скажи ей, егда сия покорена будет и вера их лживая истребится, тогда будет единая вера и един пастырь по всей земле, тако бо есть писано в Священном Писании. И еще рцы ей северной царице Екатерине: царствовать она будет 40 годов. Посем же иди и рцы смело Павлу Петровичу и двум его отрокам, Александру и Константину, что под ними будет покорена вся земля.

Вопрос. Когда ты глас сей слышал? В какое время? И что ты о сем помышлял и кому о том сказывал ли и что кто тебе на то советовал и какое ты на то полагал намерение?

Ответ. Сей глас слышан им был в 1787 году в марте месяце. Он при слышании сего весьма усумнился и поведал о том строителю и некоторым благоразумным братьям. Они же на это ему отвечали: ежели сие дело Божие, так будет тако и не разорится, а ежели не Божие дело, то разорится. Тут жил он без малого пять лет, изучался совершенно духовной жизни и письму полууставом.

Вопрос. Отобранные у тебя тетрадки, писанные полууставом, кто их писал, сам ли ты, и если сам, то помнишь ли

что написано, и если помнишь, то с каким ты намерением таковую нелепицу писал, которая не может ни с какими правилами быть согласна, а паче еще таковую дерзость, которая неминуемо налагает на тебя строжайшее по законам истязание? Кто тебя к сему наставил и что ты из сего себе быть чаял?

Ответ. Ныне я вам скажу историю свою вкратце. Означенные полууставные книги писал я в пустыни, которая состоит в Костромских пределах близ села Колшева (помещика Исакова) и писал их наедине, и не было никого мне советников, но вся от своего разума выдумал. Из Валаама пришел в Невский монастырь. Тут сказывал я про воздушный глас трем старцам, от коих, как я слышал после, дошло и до сведения митрополита. Из Невского вышед, жил я по разным монастырям.

Вопрос. Для чего и с каким намерением и где писал ты найденные у тебя пять тетрадей или книгу, состоящую из оных?

Ответ. В каком смысле писал книгу, на сие говорю откровенно, что ежели что-нибудь в рассуждении сего солгу, то да накажет меня всемилостивейшая наша Государыня Екатерина Алексеевна, как ей угодно; а причины, по коим писал я оную, представляю следующие: 1) уже тому девять лет как принуждала меня совесть всегда и непрестанно об оном гласе сказать Ея Величеству и их высочествам, чему хотя много противился, но не могши то преодолеть, начал помышлять, как бы мне дойти к Ея Величеству Екатерине II-й, 2) указом велено меня не выпускать из монастыря и 3) ежели мне так идти просто к Государыне, то никак невозможно к ней дойти, почему я вздумал написать те тетради и первые две сочинил в Бабаевском монастыре в десять дней, а последние три в пустыни.

Вопрос. Написав сказанные тетради, показывал ли ты их кому-либо? И что с тобою после воспоследовало за них?

ПРОРИЦАТЕЛЬ АВЕЛЬ

Ответ. Показывал я их одному из братии, именем Аркадию, который о сем тотчас известил строителя и братию. Строитель представил меня с тетрадами моими сперва в консисторию, а потом к епископу Павлу, а сей последний отослал меня и с книгою в наместническое правление, а из него в острог, куда приехали ко мне сам губернатор и наместник и спрашивали о роде моем и проч., а когда я им сказал: «ваше высокопревосходительство, я с вами говорить не могу, потому что косноязычен, но дайте мне бумаги, я вам все напишу», то они, просьбы моей не выполняя, послали сюда в Петербург, где ныне содержусь в оковах. Признаюсь по чистой совести, что совершенно по безумию такую сочинил книгу, и надлежит меня за сие дело предать смертной казни и тело мое сжечь.

Вопрос. Для чего внес в книгу свою такие слова, которые особенно касаются Ея Величества и именно, акибы на ню сын восстанет и прочее, и как ты разумел их?

Ответ. На сие отвечаю, что восстание есть двоякое: иное делом, а иное словом и мыслию и утверждаю под смертною казнию, что я восстание в книге своей разумел словом и мыслию; признаюсь чистосердечно, что сии слова написал потому, что он, т.е. сын, есть человек подобострастен, как и мы; а человек различных свойств: один ищет славы и чести, а другой сего не желает, однако мало таковых, кто бы оного убегал, а великий наш князь Павел Петрович возжелает сего, когда ему придет время, время же сие наступит тогда, как процарствует мати его Екатерина Алексеевна, всемилостивейшая наша Государыня 40 лет: ибо так мне открыл Бог. И ежели кто скажет, что это неправда и я лгу, то потому и все Священное Писание несправедливо. Дайте мне книгу Апокалипсис и всю Библию для истолкования, ибо в Священном Писании много писано о наших князьях, то я скажу время, когда все сие сбудется; ибо я для того сюда и послан, чтобы возвестить вам всю сущую и истинную правду.

Вопрос. Как осмелился ты сказать в книге своей, аки бы паде III-й император от жены своей?

Ответ. Сие я потому написал, что об оном есть в Апокалипсисе, и падеже разумею я свержение с престола, с которого он свержен за неправильные его дела, о коих слышал я еще в младенчестве в Туле от мужиков, и именно: 1-е) якобы он оставил свою законную жену Екатерину Алексеевну и 2-е) будто бы хотел искоренить православную веру и ввести другую, за что Бог и попустил на него таковое искушение. Что ж касается до сказанного мною о Павле Петровиче, то я и про него слышал, якобы он таков же нравом как и отец его, и слышал здесь в Петербурге, чему уже прошло семь лет, от старых солдат, служивших еще при Елизавете Петровне, которые мне о сем сказали, когда спрошу их, позвавши в кабак и поднесу в меру вина; однако я не утверждаю, правда ли сие или нет и не знаю, живы ли они или уже померли.

Вопрос. Из показаний твоих и в сочиненной книге твоей усматривается дерзновенное прикосновение до высочайших императорских особ, о котором мнишь ты удостоверить, якобы то происходит от таинства, в Священном Писании содержимого и тебе чрез неизвестный глас открытого, а как таковые бредни твои заслуживают ни малейшего внимания и по испытанию тебя в Священном Писании оказалось, что ты не только о нем ни малого сведения, но и никакого понятия не имеешь, то, отложив сии неистовые нелепости и лжи, открыть тебе самую истину без малейшей утайки: 1-е) где о падении или свержении императора Петра III-го от царствования узнал, от кого, когда, при каком случае и как? 2-е) хотя ты и показываешь, что восстание государя цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую императрицу слышал ты от старых солдат, подчивая их в кабаке, но как и сие показание твое не имеет ни малого вида вероятности, то объявить тебе чисто-сердечно: где именно, как и через какие средства, при ка-

ком случае, от кого именно узнал и для какой причины спрашивал ты о свойствах Его Высочества, так как не касающегося до тебя дела, ибо в том только единое спасение твое зависит от приуготовляемого тебе жребия.

В ответ на это сам Абель сделал допрос своему допросителю Александру Макарову : «Есть ли Бог и есть ли диавол, и признаются ли они Макаровым?» И после этого Абель обещал сказать всю правду.

Несмотря на сумасбродство бедного монаха, поставленного перед грозное судилище, было в речах его что-то необыкновенное, внушающее и обязующее. Судья Тайной Экспедиции должен был смутиться перед этою напряженностью воли, которая не знала страха и повергла допросителя своему допросу. Тут мог действовать и личный пример самой государыни, которая с противниками своей власти считала нужным бороться орудием убеждения и умственных доводов. У членов Тайной Экспедиции должно было сохраняться в свежей памяти, как она, статья за статью, опровергала книгу Радищева и вынудила у него сознание своего заблуждения. Собственноручный ответ Макарова сохранился в деле за его подписью: «Тебе хочется знать, есть ли Бог и есть ли Диавол, и признаются ли они от нас? На сие тебе ответствуется, что в Бога мы веруем и по Священному Писанию не отвергаем бытия и диавола; но таковы твои недельные вопросы, которых бы тебе делать отнюдь сметь не должно, удовлетворяются из одного снисхождения, в чаянии, что ты конечно благосклонностию будешь убежден и дашь ясное и точное на требуемое от тебя сведение и не напишешь такой пустоши, каковую ты присылал. Если же и за сим будешь ты притворствовать и отвечать не то, что от тебя спрашивают, то должен ты уже на самого себя пенять, когда жребий твой нынешний переменится в несноснейший и ты доведешь себя до изнурения и самого истязания. 5 марта 1796. Коллежский советник и кавалер Александр Макаров».

После этого объяснения между судьей и подсудимым о Боге и диаволе, Авель дал ответы по предложенным ему двум вопросам:

1. О падении императора Петра III-го слышал он еще издетска, по народной молве, во время бывшего возмущения от Пугачева, и сие падение разные люди толковали, кто как разумел; а когда таковые же толки происходили и от воинских людей, то он начал с того самого времени помышлять о сей дерзкой истории; какие же именно люди о сем толковали и с каким намерением, того в знании показать, с клятвою, отрицается.

2. О восстании государя цесаревича на ныне царствующую всемилостивейшую императрицу говорит, что он сие восстание понимает под тремя терминами: 1) мысленное, 2) словесное и 3) на самом деле. Мыслию – думать, словом – требовать, а делом – против воли усилием. Сих терминов заключение и пример взял он из Библии, которую читая делал по смыслу заключения и начал описывать. Тетради его как настоятелю, так и братии были противны, и они их жгли, а сочинителя настоятель за то сажал и на цепь. Но его тревожил все тот же слышанный глас, и он решился идти в Петербург. Здесь начал он искать, кто бы ему сказал о нраве его высочества. Под Невским монастырем попался ему старый солдат, коего он не знает, и этот солдат удовлетворил его желание. В писании своем советников и помощников не имел и бывшее ему явление признает действием нечистого духа, что и утверждает клятвою, готовя себя не токмо жесточайшему мучению, но и смертной казни. Подписался: «Василий Васильев».

Есть известие, что Авеля водили и к самому генерал-прокурору графу Самойлову, который дал ему три пощечины. «Отец же Авель стояше перед ним весь в благости, и весь в божественных действиях».

17-го марта 1796 года состоялось решение: «Поелику в Тайной Экспедиции по следствию оказалось, что крестья-

янин Василий Васильев неистовую книгу сочинял из самолюбия и мнимой похвалы от простых людей, что в непросвещенных могло бы произвести колеблимость и самое неустройство, а паче что осмелился он вместить тут дерзновеннейшия и самыя оскорбительныя слова, касающияся до пресветлейшей особы Ея Императорскаго Величества и высочайшаго Ея Величества дома, в чем и учинил собственноручное признание, а за сие дерзновение и буйственность, яко богохульник и оскорбитель высочайшей власти, по государственным законам, заслуживает смертную казнь, но ея Императорское Величество, облегчая строгость законных предписаний, указать соизволила оного Василия Васильева, вместо заслуженного ему наказания, посадить в Шлиссельбургскую крепость, вследствие чего и отправить при ордере к тамошнему коменданту полковнику Колюбякину, за присмотром, с приказанием содержать его под крепчайшим караулом так, чтобы он ни с кем не сообщался, ни разговоров никаких не имел; на пищу же производить ему по десяти копеек в каждый день, а выше-сказанныя, написанныя им бумаги, запечатав печатью генерал-прокурора, хранить в Тайной Экспедиции».

Любопытно, что доклад об Авеле, по которому объявлено вышеписанное высочайшее повеление, состоялось 17-го марта, а сам он ранее, именно 8-го марта, уже был отправлен в Шлиссельбургскую крепость, где и помещен в казарме № 22.

9-го марта, в 5 часов утра, привезли Васильева в Шлиссельбург, и комендант дал ему самому распечатать конверт от генерал-прокурора, в котором написано было следующее увещание: «Помещенное тобою в книге твоей касательно до императора Петра III-го от кого ты взял сию нелепость? Кто именно сказывал тебе оную? Когда? В каком месте? При ком или наедине и по какому случаю? Ты должен объявить о всем чистосердечно. Также ты должен сказать и о том, почему ты включил в книгу следующие слова: «сын ея на ню еще не возста, а возстанет в самое то время, когда придет Сам Бог» и проч. Ежели ты хочешь преклонить на

себя милосердие всемилостивейшей Государыни, то оставь упорство и обнажи душу свою: скажи, по каким причинам ты приступил к такому дерзкому вранью, сам ли собою или кем возбужден был к тому? Какое намерение у тебя было в сем случае, или тех, которые участвовали с тобою в безразсудности твоей? Единое чистосердечное признание твое во всем возможно тебя избавить от всех зол и бедствий, которые готовит тебе правосудие законов. Открой также причину, для которой ты захотел сделаться святошей? Кого ты научал глупостям своим? Верили ли тебе кто ни есть, и где и в каком роде людей и более ты предупел? Все что скажешь ты сходнаго с истиною, послужит к твоему добру, напротив же того, ложность, притворство и двойкость в ответах обратят на тебя всю строгость законов, которые таковых деяний, каковы суть твои, не пощадят».

Авель, выслушав сие увещание два раза, отвечал: «Я более того, что в последнем г-ну советнику Макарову объяснении написано, сказать ничего не имею, что и утверждаю клятвою. Если я за то токмо преступление определяюсь к сему строжайшему и бедственному моему жребию, то приемлю с повинованием и буду сносить до конца жизни».

ПРИ ПАВЛЕ

12-го декабря Шлиссельбургский комендант Колюбякин получил письмо от нового генерал-прокурора князя Куракина, в котором объявлялось высочайшее повеление прислать в Петербург «арестанта Васильева», с прочих же всех, на ком есть оковы, оные снять. (В тот же день Колюбякин за усердие и порядочное исправление должности пожалован в бригадиры).

13-го декабря, как отмечено в деле, сочиненная Васильевым книга взята князем А.Б. Куракиным и поднесена его величеству.

Государь беседовал с загадочным прорицателем и спрашивал у него «по секрету, что ему случится».

14-го декабря последовал рескрипт:

«Князь Алексей Борисович! Всемилостивейше повелеваем содержащегося в Шлиссельбургской крепости крестьянина Васильева освободить и отослать, по желанию его, для пострижения в монахи*, к Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому».

«Павел».

В эти дни вторично хоронили Петра III-го. Подробности беседы с государем неизвестны; но сохранилась записка: «Его Величеству угодно ведать о нынешнем состоянии посланного к здешнему митрополиту Гавриилу для пострижения, по желанию, в монахи крестьянина Васильева, к исполнению чего и послан был от генерал-прокурора коллежский асессор Крюков, которым означенный Васильев и был распрашиван наедине бесприметным образом, на что тот Васильев и говорил, что он нынешним его жребием доволен, но токмо что пищу дают ему единожды в день, отчего слаб в силах; притеснения ему никакого ни от кого нет, ибо сего надзирает сам митрополит; скучает же, что долго не постригают его в монахи, а говорят, что бы еще трудами утвердился; жалуется, что не имеет нужной одежды, что и приметно, о чем и просит человеколюбивейшаго в пособии милосердия». 21-го декабря писана благодарность преосвященному за его попечение о даче тому Васильеву пищи по два раза в сутки, а при том на исправление его послано десять рублей.

Авель поздравил князя Куракина 25-го декабря с праздником, следующим письмом: «Ваше сиятельство, Александра Борисович! Приношу вам благодарность: вы меня избавили из темных темниц и от крепких стражей, в которых я был вечно заключен от Самойлова. Вы о сем сами известны, а ныне я по Его Императорскому приказу и вашему благословению свободен и пришел к вам поздравить вас с Христовым

* Авель был предварительно, еще в Костроме, расстрижен.

торжественным праздником и вас благодарить за таковое ваше ко мне благодеяние. И крайняго я вам за сие желаю душевнаго спасения и телеснаго здравия и многая лета и прочая вся благая и преблагая и пребуду в таковой памяти вечно-незабвенно. Богомолец ваш Василий».

29-го декабря 1796 года князь Куракин сообщил митрополиту Гавриилу высочайшее желание, чтобы Василий был пострижен поскорее.

В новый 1797 год Васильев подал через князя Куракина следующую записку: «Ваше Императорское Величество, всемилостивейший Государь! С сим, с новонаступившим годом усердно поздравляю: да даст Господь Бог вам оный, а по оном и многие богоугодно и душеспасительно препроводить. Сердечно чувствую высокомонаршия ваши ко мне недостойному оказуемая, неописанныя милости, коих по гроб мой забыть не могу. Осмеливаюсь священную особу вашу просить о следующем и о последнем:

1-е) Благоволите указом не в продолжительном времени посвятить меня в иеромонашеский чин, дабы мог я стояти во церкви у престола Божия и приносить Всевышнему Существо жертву чистую и непорочную за вашу особу и за всю вашу царскую фамилию, да даст Бог вам дни благоприятны и времена спасительны и всегда победу и одоление на враги и супостаты.

2-е) Егда меня заключили на вечное житие в Шлиссельбургскую крепость, и дал я обещание Богу такое: егда отсюда освободят, и схожу в Иерусалим поклониться Гробу Господню и облобызать стопы, место ног Его.

3-е) Чтобы я был допущен лично к Вашему Императорскому Величеству воздать вам достодолжную благодарность и облобызать вашу дражайшую десницу и буду почитать себя счастливым.

4-е) Благоволите вы мне изъяснить на бумаге, за что меня наиболее посадил Самойлов в крепости, в чем и остаюсь в ожидании благонадежным».

Князь Куракин 5-го января 1797 года доложил это письмо государю и притом писал, что когда он отвозил Авеля

к митрополиту Гавриилу, то сей упрекал его за предвещания о себе, что он будет архиереем; следовательно, нынешняя его поспешная просьба о посвящении во иеромонахи, клонится к достижению архиерейского достоинства.

На докладе этом собственноручная отметка князя Куракина:

«Его Императорское Величество повелеть соизво-
лить: прошение Васильева оставить без уважения, но для
сведения митрополита заявить ему сие».

НОВОЕ ЗАТОЧЕНИЕ

Отлучившись самовольно из лавры, Абель очутился в Москве, где, пророчествуя, собрал деньги. Пророчествовать ему запретили и сослали в монастырь, что на острове, на Ладожском озере, т.е. на Валааме. Там Абель снова принялся за сочинение прорицательных тетрадей, которые на этот раз были посланы игуменом Назарием в Петербург к митрополиту.

Переписка о монахе Авеле прекращается до 1800 года. В этом году, от 19-го марта за № 118-м, Амвросий, митрополит Петербургский, уведомил генерал-прокурора Обольянинова о крестьянине Василии, постриженном в декабре 1796 года в Александро-Невском монастыре с наречением ему имени Авеля и сосланном в 1798 году в Валаамский монастырь, следующее: «Ныне онаго монастыря настоятель Назарий, с братиею, доносит мне о нем Авеле, что он, скрывая свои зловкоренившиеся в нем пороки, обнаружил оные покражею из кельи одного иеромонаха серебряных ложек, Турецких денег и других вещей, которыя, по употреблении настоятелем многого искания, он Абель при-
несши к нему тайно сказал, что будто бы те вещи к нему Авелю подкинута, и он знает похитителя, но не хочет об нем объявить и он об них чрез сонное видение разведаль, из чего настоятель заключает, что он Абель, будучи предосудительных и званию несоответственных качеств, усер-

дия к богоугодному житию и душевному спасению нималого не имеет, да и на послушания с братиею не ходит, отзываясь больным. По приходе же настоятеля с одним иеромонахом к нему в келию для освидетельствования, точно ли он Авель болен, нашли у него книгу, которую когда настоятель взял и спросил его что за книга? Ответствовал, что дали ему прочитать и, бросаясь к нему настоятелю за нею, с азартом вскричал, чтобы он ея не брал, в противном случае убьет его до смерти. Когда же настоятель бывшему с ним иеромонаху велел позвать братию, тогда он Авель оробел, ту книгу из рук своих выпустил, которая от него отобрана и ко мне представлена с найденным в ней листком, писанным Русскими литерарами, а книга писана языком неизвестным». Настоятель, отягчаясь пребыванием Авеля в монастыре и опасаясь, чтобы не привел братию в расстройство, просит Авеля оттуда вывести. Митрополит препроводил к Оболянинову книгу и листок, найденные у Авеля и просил исходатайствовать высочайшее повеление о ссылке его в Соловецкий монастырь.

На письме Амвросия Оболянинов написал: «Докладывано. Высочаше повелено: послать нарочнаго, который привез бы в Петербург, по приезде же посадить в каземат, за крепчайший караул, в крепости. Мая 21 дня 1800 года. Павловск».

Вероятно к этому времени и относится предсказание Авеля о кончине Павла Петровича.

Таким образом, через четыре года, произошло новое свидание Авеля с Макаровым.

26-го мая 1800 года Макаров донес Оболянинову, что Авель привезен исправно и посажен в каземат в рavelине. Он, кажется, только колобродит, и враки его ничего более не значат; а между тем думает мнимыми пророчествами и сновидениями выманить что-нибудь, нрава беспокойного.

На донесении Макарова Оболянинов написал: «К архиерею, по желанию Его Величества, отпускать; архи-

ерею отписать: при всяком свидании, что объявит, меня уведомлять. Мая 27-го 1800 года».

На другой же день Авель написал к Амвросию: «Я низжайший монах Авель обошел все страны и пустыни, был и в царских палатах и в великолепных чертогах и видел в них дивная и предивная, а наипаче видел и обрел в пустынных местах великая и тайная и всему роду полезная; того ради ваше высокопревосходительство, желаю я ныне с вами видеться и духовно с вами поговорити и оныя пустынные тайны вам показати. Притом же прошу ваших святых молитв».

29-го мая состоялось свидание Авеля с Амвросием, который в тот же день писал к Оболянинову: «Монах Авель, по записке своей, в монастыре им написанной, открыл мне. Оное его открытие, им самим написанное, на рассмотрение ваше при сем прилагаю. Из разговора же я ничего достойнаго внимания не нашел, кроме открывающагося в нем помешательства в уме, ханжества и рассказов о своих тайновидениях, от которых пустытники даже в страх приходят. Впрочем Бог весть».

Нельзя не обратить внимания на эти три последние слова. Авель, очевидно, колобродил; а между тем было что-то в нем, что возбуждало недоумение, что-то среднее между сном и действительностью. Этот отзыв Амвросия (человека практического) напоминает нам ту веру в сны и видения, которою наполнены недавно изданные письма митрополита Филарета к архимандриту Антонию.

Не покидая своей прежней мысли, что будет на земле едино стадо и один пастырь, инок-предсказатель в письме к Амвросию пишет: «А ныне я имею желание определиться в Еврейский род и научить их познанию Христа Бога и всей нашей православной веры и прошу доложить о том Его Величеству».

На письме Амвросия рукою Оболянинова: «докладывано мая 30-го 1800 года. Павловск».

В XIX СТОЛЕТИИ

По вступлении на престол императора Александра Павловича учреждена была комиссия для пересмотра прежних уголовных дел. Пересмотрели и переписку об Авеле; оказалось, что он содержался в С.-Петербургской крепости с 26-го мая 1800 года за разные сочинения его, заключающие в себе пророчества и другие инакозначащими литерами нелепости. В марте месяце 1801 года Авель отослан был к Амвросию для помещения в монастырь по его усмотрению и им отослан в Соловецкий монастырь, а 17-го октября архангельский гражданский губернатор донес, что Авель, вследствие указа священного синода из под стражи освобожден и отдан архимандриту в число прочих монашествующих. Выпущенный на волю, Авель сочинил третью книгу, с предвещанием взятия Москвы неприятелем, за что его снова заточили уже на многие годы в Соловецкий монастырь. В исходе 1812 года министр духовных дел князь Голицын выписал его к себе в Петербург. После тайнственных бесед с этим главою тогдашнего духовничества, ему дана полная свобода. Он повел опять скитальческую жизнь.

Из его тетрадей и писем (очень недурно составленных) видно, что в своих фантазиях он был убежден совершенно и готов за них отдать свою жизнь. Одержимый духом предсказаний, то вечный скиталец по монастырям и Костромским лесам и пустыням, то тюремный сиделец, инок Авель, по пословице «на ловца и зверь бежит», находил себе если не почитателей, то по крайней мере благодетелей и даже в высшем кругу. Он был знаком и вел переписку с графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной, рожденной Закревской, получал от нее денежные пособия и на одежду сукно с ее фабрики, вмешивался в ее отношения к сыну-повесе, проживал в Курской губернии у известного богача Никанора Ивановича Переверзева, поселялся то в Москве, в Шереметевой больнице, то у Трои-

ПРОРИЦАТЕЛЬ АВЕЛЬ

цы Сергия. Автор известных записок Л. Н. Энгельгардт говорит про него, «что он был человек простой, без малейшего сведения и угрюмый; многия барыни почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах своим дочерям; он им отвечал, что предсказывал тогда только, когда вдохновенно было велено ему что говорить».

Несмотря на покровительство князя Голицына, Авеля понудили прекратить его бродяжничество. Митрополит Филарет определил его в Высотский монастырь под Серпуховом, поблизости от его родины. Но старая привычка взяла свое: с наступлением нового царствования, Авель ушел из монастыря и через бывшего своего господина, Дмитрия Львовича Нарышкина, вздумал опять обратить на себя внимание предержавшей власти. Государь Николай Павлович приказал заточить его в Спасо-Ефимьев монастырь, где он и умер в 1841 году.

ПЕРЕПИСКА МОНАХА АВЕЛА С ГРАФИНЕЙ ПОТЕМКИНОЙ (Из бумаг графини Потемкиной)*

Прочитывая жизнеописание Авеля, нельзя не заметить, что, как в этом жизнеописании, так и в приведенном в начале настоящей статьи рассказе А.П. Ермолова, монах Авель является в качестве предсказателя смерти Екатерины II и императора Павла разница только в некоторых подробностях. Затем, что касается до других обстоятельств жизни Авеля, то в этом отношении следует обратить внимание на написанное Авелем «житие» какого-то отца Дадамия, о котором упоминается и в самой биографии Авеля. Об этом Дадамии весьма подробно рассказывается, что «он находится во всех твердых и во всех небесах, во всех звездах и во всех высотах, в самом существе в них ликуя и царствуя, в них господствуя и владычествуя и проч.» По человечеству, всей жизни назначено Дадамию 83 года и 4 месяца (т.е. столько, сколько и Авелю), после этого он «воцарится на тысячу годов», и будет тогда «по всей земли стадо едино и пастырь в них един, потом мертвые воскреснут» и т.д. Дадамий посетил неведомые миры и т. д., и т. д. повторены те же фантастические сказания об отце Дадамии, которые мы встречаем и в житии Авеля. Поэтому можно, кажется, сказать, что Дадамий и Авель в сущности одно ли-

* Опубликовано в журнале «Русская Старина», 1875, № 2, с. 426–435

цо, это тем более вероятно, что одно из писем Авеля к графине П.А. Потемкиной озаглавлено таким образом: «Ея сиятельству Прасковье Андреевне, всемилостивейшей моей благодетельнице и сущей благотворительнице, от монаха отца Авеля и от отца Дадамия».

Все это приводит к тому вероятному предположению, что «житие» Авеля было написано им самим, или, по крайней мере, одним из близких почитателей Авеля, хорошо знакомым с собственными сочинениями последнего, в числе которых было и «житие Дадамия».

Из других мистическо-литературных произведений отца Авеля не лишено интереса сочинение его «Книга бытия». Здесь высказываются такие понятия о творении мира и человека, какие встречаются в апокрифах, или в легендах и духовных стихах нашего народа, из которых весьма многие уже изданы, и которые заключают в себе смесь библейских сказаний с вымышленными. Вот, например, как повествует АVELЬ о сотворении мира и человека. «В начале сотворены тверди и тверди, миры и миры, державы и державы, царствы и государства», а потом и

Все это, равно как и высшие силы изображаются в тетрадках Авеля разными символическими кругами и фигурами, к коим приложено «толкование». Далее мы печатаем как образчик две таблицы из одной «зело престрашной книжки» Авеля, как отзывался он о своих трудах. Вся тетрадка в малую восьмушку, 64 страницы, в ней одна треть занята разными таблицами и символическими знаками сделанными пером от руки, довольно тщательно. Текст «толкований» и прочих мистических неудобопонятных измышлений, писан славянским полууставом. Мы печатаем два чертежа Авеля, а вот и «краткое толкование» из этой же книжки: «на сей странице изображен весь видимый мир и в нем изображена тьма и земля, луна и солнце, звезды и все звезды, и все тверди, и прочая таковая, и проч. Сей мир величеством тридцать миллион стадей, окружностию девяносто миллион стадей; земля же в нем величеством со всею третью твердь; солнце – со всю вторую твердь; луна – со всю первую твердь, тьма – со всю мету. Земля сотворена из дебелих вещей и в ней и на ней – воды и леса и протчия вещи и вещество.

протчая вся: и творяша тако и размышляша девять годов сущих и два-десять и един духовных. В сущих годах вся размысли и вся расположи, а в духовных вся сотвори и вся утверди, и всему положи меру и границу и всему исчисление. Потом сотвори человека и человека и выша человека и выша во всяком мире человека; и число всех сотворенных человеков, елико есть число всех миров: сотвори Богочеловека по образу своему и подобию. Сотвори их мужа и жену, имя им положи: гог и магог, Адам и Ева; гог и Адам муж есть: а магог и Ева жена его; гог и магог прежде сотворен: а потом Адам и Ева сотворены. Гог и магог и семя их до Адама жили на земле три тыщи и шесть сот годов; гогова земля и всего рода его вся старая Америка и вся новая Америка. Адамова земля и всего рода его вся Азия и вся Европа и вся Африка – сия убо земля; три тысящи и шесть сот годов не было на ней человека, акроме скотов и зверей; и вся была зараставши травами и лесами, и протчими вещами. Егда ж сотворен Адам и жена его Ева, и родились от них сыны и дщери и от сынов сыны: жизни им всей положено осмь тысящ и четыре ста годов; а сам Адам и Ева жил на земли девять сот и тридесять и один год, детей всех было у них сто и два десять и два сына, сто и двадесять и две дщери. И вси пришли в полное совершенство, сии суть адамовы дети и от детей дети, и жизни им от Бо-

---

Солнце сотворено из самага сущаго существа. Такожде и звезды сотворены из чистаго самага существа, воздухом не окружаемы; величина звездам не меньше луны и не меньше тьмы. Луна и тьма сотворены из воздуха, тьма вся темная, а луна один бок темный, а другой – светлый и проч. таковая».

Действительно далее идет все в этом же роде. Несомненно, что эта книжка, одна из тех, которые, по выражению костромского владыки в 1796 году, писаны Авелем «под смертною казнию» и за которую довелось ему посидеть и в Соловецкой тюрьме и в каземате Петропавловской крепости. В «книжке», между другими таблицами, есть таблица «Планет человеческой жизни», «Годы от Гага», «Годы от Адама», «времена всей жизни», «рай радости, рай сладости» и т. п.

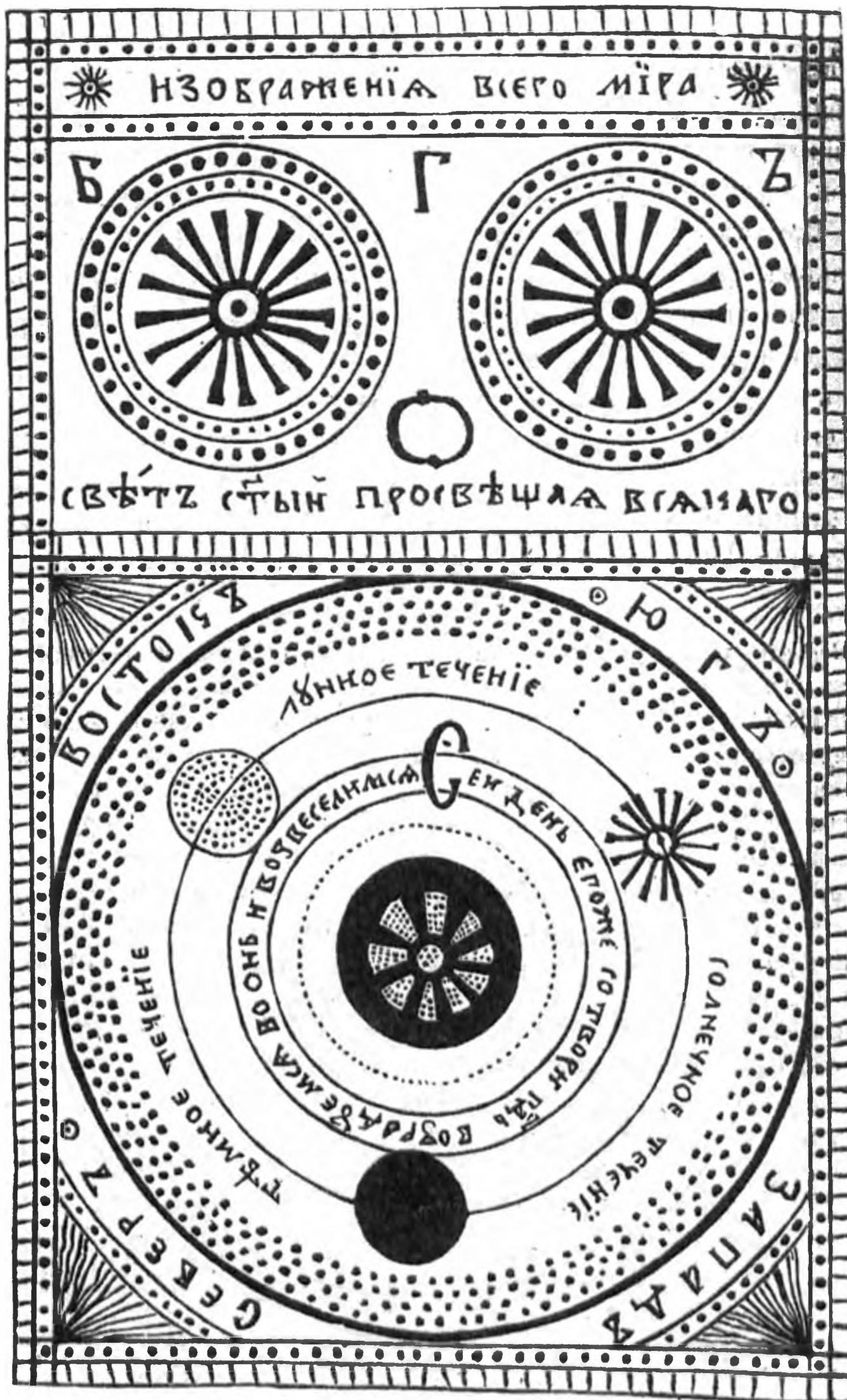

Рисунок Авеля из его «Книги Бытия»

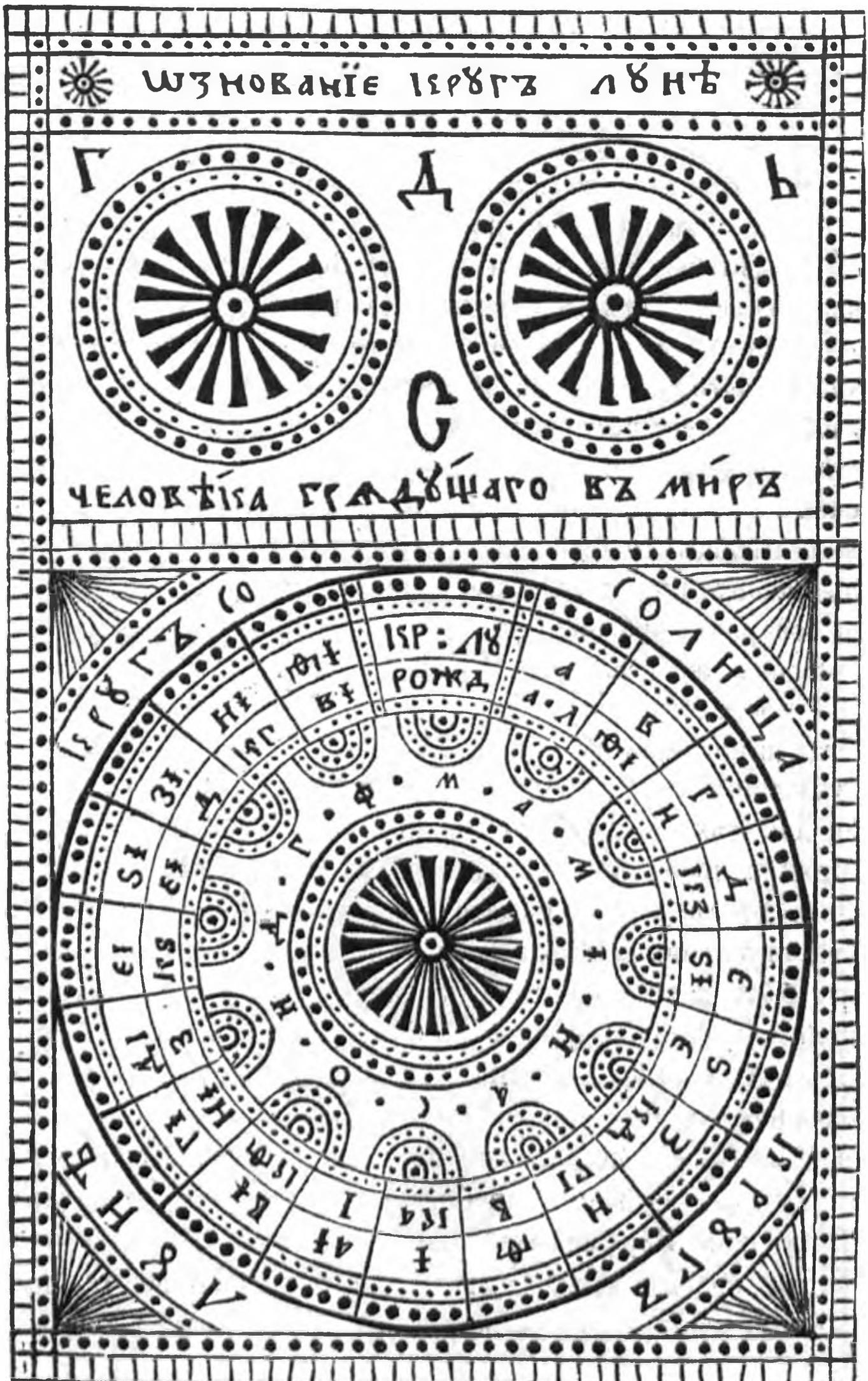

Рисунок Авеля из его «Книги Бытия»

га положено, как выше сказано, осмь тысящ и четыреста годов; а гогу и магогу и всему роду их всей жизни положено двенадцать тысящ годов. Сам гог и магог жил на земле всех лет живота своего четыреста и два года и четыре месяца, потом умре и погребен бысть. Детей всех было у него сто и двадесять и два, пол мужеск и пол женск; и жили они на земли всей жизни, как выше сказано, двенадцать тысящ годов: житие их простое, наподобие скотов и зверей. Закон им дан естественный, вся творяху по совести: но токмо сей род просветятся при конце века верою и благочестием. Потом же весь род гогов и весь род адамов скончаются. А востанут другие веки и другие роды, и будут тако жить всегда и непрестанно, и тому не будет конца, ей тако. Аминь».

Все указанные и им подобные «книжки» отец Авель писал, вероятно, для тех лиц, которые интересовались его мистическими толкованиями и пророчествами. Из рассказа А. П. Ермолова видно, что Авель обедал у костромского губернатора; – по словам биографии Авеля, он принят и обласкан в Петербурге князем А. Н. Голицыным, был знаком и вел переписку с графиней Прасковьей Андреевной Потемкиной, рожденная Закревская (1763–1816) и т.д. Поэтому с вероятностию можно сказать, что лица, которым предназначались писания Авеля, принадлежали к высшему обществу, по крайней мере, это несомненно по отношению к графине Потемкиной. Из-под Курска, во время пребывания у некоего «господина Никанора Ивановича Переверзева», Авель пишет графине, что он сочинил для нее несколько книг, которые и обещается выслать в скором времени; «оних книг со мною нету, – объясняет Авель, – а хранятся в сокровенном месте; оныя мои книги удивительныя и преудивительныя, те мои книги достойны удивления и ужаса, и читать их токмо тем, кто уповает на Господа Бога и на пресвятую Божию Матерь. Но только читать их (должно) с великим разумением и с великим понятием». Впрочем, он обещается помочь графине в уразуме-

нии таинственных его книг при личном с нею свидании. Видно так же, что графиня П. А. Потемкина интересовалась и предсказаниями Авеля, который по этому случаю, в одном из писем говорит: «Я от вас получил недавно два письма и пишите вы в них: сказать вам от пророчества то и то. Знаете ли что я вам скажу: мне запрещено пророчествовать имьянным указом. Так сказано: ежели монах Авель станет пророчествовать вслух людям, или кому писать на хартиях, то брать тех людей под секрет и самого монаха Авеля и держать их в тюрьмах или в острогах под крепкими стражами; видите, Прасковья Андреевна, каково наше пророчество или прозорливство, – в тюрьмах ли лутче быть или на воли, размысли убо. Я согласился ныне лутче ничево не знать, да быть на воле, а нежели знать, да быть в тюрьмах и под неволию. Писано есть: будите мудры яко змии и чисты яко голуби; то есть буди мудр, да больше молчи; есть еще писано: погублю премудрость премудрых и разум разумных отвергну и протчая таковая и проч.; видится вот мы до чего дошли с своею премудростию и с своим разумом. Итак я ныне положился лутче ничего не знать, хотя и знать, да молчать».

Следует упомянуть еще, что во всех почти письмах отца Авеля к графине Потемкиной встречаются мистические рассуждения; кроме того, в одном сполна приведена молитва «Отче наш», в другом выписаны разные нравочения из евангелия, в третьем приведена молитва собственного сочинения Авеля и т. п.

Но, кроме всего этого, в рассматриваемых письмах затрагиваются и другие предметы, отличающиеся уже чисто житейским характером. Расставшись с графиней в Петербурге, отец Авель отправился на ее суконную фабрику в Глушково (недалеко от Москвы). Проживши здесь два месяца, он «обошел, и вся видел, и всех начальников познал». Отец Авель нашел все в отличном порядке, только жалованья управляющему, его помощнику и некоторым из мастеров положено было, по его мнению, мало, – почему

он и просил графиню, жалованье этим лицам увеличить, особенно же управляющему фабрики В. Ковалеву. Ходатайствуя перед графиней за фабричных, Авель просил еще денежных подаяний для монашествующей братии, а кстати и для себя. Надобно заметить, что в это время он собирался совершить путешествие в Царьград, в Иерусалим и на Афонскую гору. Собирался отец Авель целых два года, и все-таки не уехал. Между тем, такое дальнее путешествие требовало значительных денежных средств, особых лошадей и повозки, хорошего сукна и проч. Всем этим управляющий Коваленко, по приказанию графини, снабжал Авеля. По приезде на фабрику, последний писал Потемкиной: «В вашем письме написано: дать мне триста рублей на мою нужду, и еще двести рублей – иерусалимским монахам, и я вся сия получил, покорнейше благодарю за ваше такое великое благодеяние. А те деньги, которые вы дали мне в Петербурхе, такожде двести рублей тем же иерусалимским монахам, но они уже посланы в прошлом году вместе с воздухами: еще ж я выпрашал у вашего управителя шленскаго сукна на рясу и на подрясник двенадцать аршин, которое сукно ценою он мне сказавал по семи рублей аршин, и за вся данная мне воздаст вам Господь Бог, что он сам восхощет. При сем же стоял я в самую Троицу литургию и вечерню в новой вашей церкви, а на вечерню и всенощную в старой церкви».

Через несколько времени Авель опять пишет: «Вы пишете в своем письме ко мне: я писала к моему управителю, то что как отец Авель возвратитца и будет на моей фабрике, то что вам будет угодно взять из рукоделия и возьмите, а управитель мой оным бы вам служил, и еще триста рублей денег вам дать на ваши надобности и протчая таковая пишете. Но токмо с тем вы пишете дать сии триста рублей денег и сукна, что мне угодно, когда я возвращуся из Ерусалима, однако покорно я вас прошу, Прасковья Андреевна, сии деньги ныне мне (дать) на дорогу, понеже путь дальный, а денег у меня мало, и напишите о сем управителю своему, чтобы он

отдал сии деньги триста рублей ныне. И я буду их ждать в курских пределах. Еще ж я вас прошу Прасковья Андреевна, всемилостивейшая моя благодетельница, напиши к своему управителю Василию Ковалеву, чтобы он мне купил или нет ли своих одну лошадь и повоску. Как не больши лошадь и повоска ста рублей, понеже ежели у меня лошадь и повоска своя, то я волен куды нибудь заехать, ибо многие господа желают меня видеть. А я пеший не могу ходить, понеже много вещей надавали мне, при том же уже и стар и ноги болят; и даст вам за сие Господь многое и множество, сторицею больше и в тысячу крат. А когда я возвращуся из Ерусалима, и приеду на вашу фабрику, то вы прикажите, при Божией помощи и во славу св. Троицы, еще дать сто рублей на мою потребу и сто рублей на нищую братию. И еще прикажите управителю своему дать мне сукна, котораго самого лутчаго мне на ряску и на подрясник. В том же числе на панталоны и на жилет, как не больше пятнадцать аршин».

Вскоре после этого Авель извещает свою благодетельницу, что получил от нее деньги: пять сот «на свою нужду» и пять сот «монахам», последние обещается раздать «где Господь повелит и Пресвятая Божия Матерь».

Отец Авель принимал участие и в семейных делах графини Прасковьи Андреевны Потемкиной. Сын графини, Сергей Павлович, как видно, не особенно почитал матушку, вследствие этого у них возникло дело об опеке над фабрикой. Сначала отец Авель старался помирить их и с этой целью писал графине: «Я вам хочу предложить пункт самый важной; вы пишете в своих письмах таким образом: государя дома нет, как мое дело решится, в мою ли пользу или не в мою. Ежели послушаешь меня, то в твою пользу дело решится. Я тебе советую, при помощи Божией, безо всякаго сумнения помириться с сыном своим; как можно сия старайся, то и будет вам во всем благо и во всем щастие, и опекуинства не будет. Буди к нему чадолюбива и во всякой любви, и призывай его к себе, лобзай его и ласкай со всякою простотою».

Но когда граф С.П. Потемкин недружелюбно стал обращаться с отцом Авелем, то последний, в свою очередь, стал отзываться о нем перед матерью крайне нелестно; о примирении матери с сыном нет уже и речи. Письмо, в котором высказал Авель свои мысли относительно молодого графа, представляется наиболее характерным, поэтому мы приводим его здесь почти вполне*.

«Бог Господь явился нам благословенный грядет и кто стерпит гнев его. Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое его. Послушайте ваше графское сиятельство Прасковья Андреевна, что я вам хочу написать об вашем сыне, какой он есть житием лживый и неправедный и едва в нем есть часть добрых дел... Я, ваше графское сиятельство Прасковья Андреевна, советовал тебе помириться с сыном твоим и дать ему родительское благословение; но он ныне оказался ложный и лстивый, неправедный и непослушливый. Вы писали мне, что сын ваш горд и щеславен, тако и действительно есть; при том же он еще нерадив и непослушлив и житием развратен, и я его ныне нашол хвальшивая монета, а не истовая, и он, я думаю, товарищ развратникам и причастник самых распутных людей и протчая таковая и протчая. Во-первых, обещался (он) на фабрике отдать мне долг свой две тысячи и триста и шестьдесят рублей, но то не исполнил, а солгал, а всякая ложь происходит от сатаны и от диавола, и несть в том света, а тьма, и прелесть и лесть, ибо одолжился мне оными деньгами в Москве и дал мне своеручное письмо к Василию Федорову Ковалеву, чтобы ему отдать мне те деньги, но сын твой, когда мы с ним приехали на фабрику и взял у меня опять свое письмо и сказал мне: я тебе, отец Авель, сам отдам деньги, и тако лстил мне три

---

* По времени, письмо это относится к 30-му июля 1816 г., т. е. оно последнее из всей имеющейся у нас переписки отца Авеля с Потемкиной, в том же, 1816 г., графиня Прасковья Андреевна скончалась.

седьмицы, с тем тако и остался, не взял я с него деньги; но прошу покорно вас, Прасковья Андреевна, напишите Ковалеву, чтобы он мне деньги те две тыщи и триста и шестьдесят рублей прислал где я буду в России, и егда я их получу, тогда к вам и поеду и вся вам тайная и сокровенная возвещу. Второе, сын твой в Москве со мною обращался как брат родной и как ангел Божий, а ныне я вижу его со мною обращается как чужеземец и как самый противник. Сие дело таковое вышло от того, что ты ему не позволила жениться*, я ему сказал немалое число божественных таин и открыл ему глубину премудрости и он вся сия ни во что вменил, но семя моя благое не дала плода в сердце его, понеже камень сух влаги не имея; еще ж я ему сказал: суд Божий при дверях и пришествие Господне уже близ есть, бдите и молитесь да не внидите в напасть, тогда скажет Господь всем лживым: я не вем вас, идите от мене, всяк лстивый и ложный несть от Бога и память их потребится от земли; а впротчем я всем желаю спасение и божественнаго благословения. Третье, когда я жил в Москве и часто хаживал к сыну вашему и видел я у него стоят всегда нанятые дрошки и карета для гордости и щеславия, платил им за то каждый день двадцать пять рублей, хотя куды ездит или не ездит, а всегда платит им каждый день двадцать пять рублей! на что больше этого гордости и щеславия! И так которые ты ему повелела взять деньги с фабрики пятнадцать тысяч рублей и он их все проводил в Москве, которые вытребовал с фабрики, которые отдал в коренной ярморке, а мне и не выплатил свой долг. Егдаж мы приехали на фабрику и пришло ко мне твое письмо, написано в ней по моей прозбе, вы ему положили каждый год давать по пятнадцати тысяч рублей, и я ему про это сказал, и он мне на то отвечал, от своей гордости так сказал: я ей буду давать по пятнадцати тысяч рублей, когда буду

---

* Граф Сергей Павлович Потемкин женился впоследствии на княжне Елизавете Петровне Трубецкой.

я опекуном, и еще сказал, мне надо ей положить по шестидесяти тысяч. Сие слово замечательно, он хочет, чтобы сделали его опекуном надо всею фабрикою и дарит дарами всех фабричных властей, чтобы его одобряли во опекуны; но не дай Господи такому быть опекуном, сей опекун разоритель, а не попечитель, спаси Господи и помилуй от сего опекуна! Впротчем же писать больше нечего, а когда я сам к вам приеду, тогда вся подробну вся вам скажу. И сие письмо, милостивая моя государыня Прасковья Андревна, чтобы только вы знали и я. Спаси Господи рабу свою Прасковию тут же и меня с нею и всех православных верующих во святую церковь твою и вся христианы, тако буди и буди».

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ МОНАХ АВЕЛЬ В 1812-1826 ГОДАХ

Сообщение Н. П. Розанова

Листки из записной книжки «Русской Старины»*

Читатели «Русской Старины» вероятно обратили внимание на своеобразную, весьма типическую личность монаха Авеля, представшего на страницах нашего издания, с описанием своего хождения по мукам, т. е. по тюрьмам и затворам монастырским. Переписка его с графиней Потемкиной в 1814–1816 годах, если и выставляет на вид некоторые житейские невзгоды, его посетившие, все-таки показывает, что отец Абель нашел в мире значительный достаток и вполне обеспеченное положение. Ныне помещаемая статья показывает, что запад дней Авеля омрачился страшною для него грозою. Двадцать один год проведя в тюрьмах, он вновь попал в тяжелое заточение.

Прежде, однако, чем сообщить новые сведения об этом предсказателе, считаем нелишним привести следующую заметку о нем из записок современника Авеля – Л. Н. Энгельгардта.

«В Соловецком монастыре был монах Абель, предсказавший смерть императрице Екатерине и потом Павлу, со всеми обстоятельствами краткого его царствования. За год до смерти императрицы, сей Абель, пришед к настоя-

---

* Опубликовано в журнале «Русская Старина», 1875, №4, стр. 815–819

телю того монастыря, требовал, чтобы довести до сведения ея, что слышал он вдохновенно глас, который должен он был ей объявить лично. По многим отлагательствам и затруднениям, наконец донесено было ей, и приказано было его представить: тогда он ей объявил, что слышал он глас, повелевший ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить в Петропавловскую крепость. По кончине государыни, император повелел, освобождая его, представить к нему, когда он ему предсказал, сколько продолжится его царствие, государь в ту же минуту приказал его опять заточить в крепость. Смерть однако ж исполнилась в назначенный срок. При вступлении на престол Александра I он был освобожден. За год до нападения французов, Абель предстал перед императором и сказал, что французы вступят в Россию, возьмут Москву и сожгут. Государь приказал его опять посадить в крепость. По изгнании неприятелей он был выпущен. Сей Абель после того был долго в Троицко-Сергиевской лавре и Москве, многие из моих знакомых его видели и с ним говорили: он был человек простой, без малейшего сведения и угрюмый: многие барыни почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах их дочерей, он им отвечал, что он не провидец, и что он тогда только предсказывал, когда вдохновенно было велено ему что говорить. С 1820 года уже более никто не видел его и неизвестно куда он девался*».

Эта неизвестность разъясняется нижеследующими документами.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ В ВЫСОТСКИЙ МОНАСТЫРЬ, 1823 ГОД

Монах Абель, именуя себя монахом Ставропигиального Соловецкого монастыря, в сентябре 1823 года, подал московскому архиепископу Филарету, впоследствии митропо-

---

* Записки Энгельгардта, изд. 1868 г. Москва, стр. 217–218.

литу, прошение об определении его, Авеля, в Серпуховской Высотский монастырь. Преподобный Филарет на прошении, 6 сентября, написал: «представить справку». Консистория представила, что еще при преподобном Августине (предместник преподобного Филарета) было в производстве дело о монахе Авеле, по отношению министра духовных дел, князя А.Н. Голицына, от 2 ноября 1817 года. По делу сему значится, что

1) при упомянутом отношении министр приложил справку по канцелярии св. синода, что монах Авель содержался в Соловецком монастыре, а в 1812 году, ноября 17-го, он, князь Голицын, как обер-прокурор синодальный, предложил синоду высочайшее повеление «освободить его, Авеля, из-под стражи, принять в число братства. Между тем, как Авель имеет намерение идти для поклонения святым мощам в разные города, то снабдить надлежащим паспортом для свободного пропуска, предоставляя так же ему избрать для своего пребывания монастырь, какой сам пожелает, и где будет принят, там дозволить ему жить беспрепятственно». О чем архимандриту Соловецкого монастыря послан был указ 3-го декабря того 1812 года. А 4-го апреля 1814 года монах Авель, объясняя прошением в синод, что имеет желание идти в Иерусалим, для поклонения гробу Господню и святым местам в намерении, ежели будет возможно, остаться там навсегда и приложив в копии данный ему во исполнении указа св. синода, от наместника Соловецкого монастыря паспорт на свободное, где пожелает, пребывание, просил о снабжении его, на случай отбытия в Иерусалим, надлежащим видом, вследствие чего и, по предварительному сношению с министром полиции, Авелю выдан паспорт с роспискою. О том, чтобы сей монах произведен был в иеромонахи, сведений нет.

2) В показанном отношении от 2-го ноября 1817 года князь Голицын сообщал преподобному Августину, что монах Авель, по случаю потери данного ему паспорта, просил его, министра, о снабжении его, Авеля, новым, для свободного

здесь, в Москве или в ином городе, пребывания, также и о содействии к водворению его, Авеля, в Шереметевском странноприимном доме. Он, министр, довел о сем до сведения государя. Государь, находя неприличным, чтобы монах Апель, столь много странствовавший, еще продолжал скитаться по России и не имел постоянного пребывания в монастыре, высочайше повелеть ему, министру, соизволил: объявить ему, Авелю, чтобы избрал непременно монастырь, и, если настоятель согласится на принятие его, то и водворился бы в том монастыре. Объявив о сем Авелю, с предложением и самого монастыря, именно Пешношского (в Дмитровском уезде), поручал преосвященному внушить Авелю с своей стороны о несовместности монаху жить в частном доме, и предложил бы ему водвориться в монастырь, о котором упомянуто, или в иной какой-либо обители. Если же он не изъявит желанья поступить в монастырь московской епархии, то предложить синодальной конторе снабдить его, Авеля, паспортом для свободного пропуска в другие города, чтобы он, согласно высочайшей воле, объявленной св. синоду 17-го ноября 1812 года, избрал для своего пребывания монастырь, и где будет принят, там и водвориться ему.

3) Отношение это сдано было в консисторию уже после смерти преподобного Августина (умер 1819 года, марта 3-го) с отметкою Малиновского, секретаря преосвященного, что монах Апель к преподобному Августину явился 6-го ноября 1818 года и через два дня хотел прибыть, чтобы получив благословение и предписание к строителю Пешношскому, отправиться на житье в Пешношу, но с того времени не являлся и из Москвы скрылся.

4) Вместе с тем при деле сдано в консисторию показание Николоявленской в Москве церкви, священника

---

* Впоследствии настоятель Московского Богоявленского монастыря и член московской консистории, архимандрит Митрофан. Умер 1850 года, ноября 19-го.

Михаила Лаврентьева^{*}, данное им 23-го декабря 1818 года, что в сентябре того 1818 года (которого числа не припомнит), как он, Лаврентьев, шел к малой вечерне, попал близ дома его, священника, монах Авель, с которым вступил в разговор следующего содержания: «здоровы ли вы, отец Авель, какая тому причина, что вас так давно в Москве не видно: где вы до сих пор были, и справедлив ли тот неприятный слух, который об вас прошел между нами?» На сие Авель отвечал, что живет благополучно, что до сих пор находится в городе Орле, и что прежде того, в бытность господина министра духовных дел князя А.Н. Голицына в Москве, был представлен к нему, и имел с ним разговор касательно его, Авеля, обстоятельств. После сего, прощаясь с ним, священником, Авель сказал, что идет в дом прихожанина его, статского советника Петра Алексеевича Верещагина, откуда обещался придти в Николоявленскую церковь ко всеобщей, однако не приходил, а подлинно ль был в доме господина Верещагина – о том не знает. Преподобный Филарет, на представленной из консистории справке, 6-го октября 1823 года, написал: «Монаха Авеля в Высотский монастырь определить». О сем же 24-го того же октября дан указ из консистории архимандриту Высотского монастыря Амвросию.

По определении монаха Авеля в Высотский монастырь, в послужном его списке за 1823 год значилось, что монах Авель из крестьян, 65-ти лет; в монашество пострижен в Лаврском Александро-Невском монастыре в 1797 году; из оногo переведен был в Ставропигиальный Соловецкий монастырь в 1801 году, а в оный Высотский монастырь определен 1823 года, октября 24-го дня; обучен российской грамоте читать, петь и писать, в штрафах не был.

В 1826 году, июня 21-го, архимандрит Высотского монастыря Амвросий^{*}, донес митрополиту Филарету, что мо-

---

^{*} Умер 1827 года, июня 10-го

нах Абель, забравши все свои пожитки, 3-го июня самовольно из монастыря отлучился неизвестно куда и не является. В дополнение к тому архимандрит Амвросий 30-го июля доносил, что монах Абель находится в Тульской губернии, близ Соломенных заводов, в деревне Акуловой, и при донесении представил копию с двух писем Авеля следующего содержания:

«Милостивая государыня Анна Тихоновна. Желаю вам и всему вашему семейству всякого благополучия, как телесного, так и душевного. Я, отец Абель, ныне нахожусь в Соломенных заводах, в деревне Акуловке, от завода семь верст, проехачи завод налево. Ежели угодно вам ко мне приехать, тогда я вам всю историю скажу, что мне случилось в Высотском монастыре, и прочая таковая и прочая. Ежели есть ко мне из Москвы или откуда-нибудь письма, то бы Карла Иванович прислал ко мне через заводских ямщиков в деревню Акулово, а я здесь намерен прожить за болезнию от июня один год и прочая. А ежели вам ко мне случая не будет приехать, то хотя напишите что-нибудь, в чем и остаюсь всенижайший отец Абель.

«Заводы от Серпухова 30 верст
и спросить деревню Акулово».
1826 года, июля 20-го числа.

«Духовному отцу моему Доримедонту, всякое здравие и спасение, и прошу ваших святых молитв. Я, отец Абель, писал своему господину Нарышкину, Дмитрию Львовичу, как меня Высотский отец архимандрит ложным указом хотел послать в Петербург к новому государю. Нарышкин же доложил о том его величеству Николаю Павловичу, и сказав ему всю историю отца Авеля, как его сажали в тюрьму черные попы и был он от них в трех крепостях и в шести тюрьмах, содержался всего времени двадцать один год, государь же, его величество, приказал отцу Авелю отдалиться от черных попов и жить ему в мирских се-

лениях, где он пожелает. Нарышкин же отобрал царские сии слова и отписал отцу Авелю штрафу с высотского начальника тысячу рублей за ложное злословие, якобы отца Авеля приказано в Петербург прислать и проч.».

«В чем и остаюсь всенижайший монах Авель».
1826 года, июля 20-го дня.

Заточение в Спасо-Евфимиев монастырь, 1826 год

В том же 1826 году, от 27-го августа, на имя митрополита Филарета последовал указ святого синода, с объяснением, что синодальный обер-прокурор князь Петр Сергеевич Мещерский, согласно отношению его, митрополита, докладывал государю Николаю Павловичу об оставлении монахом Авелем определенного ему в серпуховском Высотском монастыре пребывания и об оказавшихся двух письмах, из коих видно, что он, монах, находится в 30-ти верстах от Серпухова, в Тульской губернии, и государь, по прочтении бумаг, повелел, чтобы монах Авель был заточен для смирения в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь. Посему святой синод, для скорейшего и удобнейшего отыскания монаха Авеля, тульской епархии, в деревне Акуловой, предоставил синодальному обер-прокурору сделать сношение с светским начальством, которому и отправить Авеля в владимирскую консисторию для помещения в Спасо-Ефимиев монастырь. Тем и закончились скитания Авеля.

Примечание. Необходимо напомнить, что Спасо-Евфимиев монастырь в городе Суздале не столько обитель для отказавшихся от мира подвижников, сколько острог для заточенных в него духовных и светских лиц. В монастыре (по крайней мере, еще в 1860 году, когда пишущий эти строки (*Михаил Семевский – ред.*) посетил его) стоит особая команда; отец архимандрит – комендант, которому часо-

вые отдают честь и который строго блюдет заточенных по узким и мрачным затворам. В этом же монастыре были заключены на время некоторые декабристы (Бобрищев-Пушкин, князь Шаховской), а позднее сюда запирали раскольничьих архиереев.

В. Ф. Одоевский

«Колдовство XIX века»

*Письма к графине Е.П. Р...-ой о привидениях,
суеверных страхах, обманах чувств, кабалистике,
алхимии и других таинственных науках*

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Вы требовали от меня, графиня, какую-нибудь повесть, да пострашнее. К сожалению, повести не по моей части: это дело одного известного вам моего приятеля, который любит пугать честной народ разными небывальщинами. Что до меня касается, я сам ничего не изобретаю: я умею только с грехом пополам пересказывать чужое. Чтобы исполнить по мере сил ваше желание, я, если не расскажу вам повести о привидениях, то по крайней мере осмелюсь представить *самый источник*, из которого берутся страшные повести. Я должен признаться, что этот предмет издавна обращал на себя мое внимание; к нему привлекала меня не одна поэтическая его сторона: мне казалось, что под всеми баснословными рассказами о страшилищах разного рода скрывается ряд естественных явлений, доныне не вполне исследованных, и причины которых частью находятся в самом человеке, частично в окружающих нас предметах. Когда-нибудь я издам об этом большую книгу *ex professo*, томах в двух *in quarto*, с ссылками, цитатами, таблицами, ученостью всякого рода, и, для большей ясности и общенародности – на латинском языке, или по крайней мере латинскими буквами; для этой цели я собираю разные страшные редкие

книги, составил из них небольшую библиотеку, присоединил к ним некоторые из новейших сочинений, и усердно занимаюсь выписыванием всего того, что может относиться к любимому моему предмету, а кстати и некстати прибавляю собственные мои наблюдения и мудрствования. Тетрадка моя уже довольно толста, хотя ее и достаточно потерябил вышесказанный известный вам мой приятель, и, к величайшей моей досаде, воспользовался ею совсем с другим намерением. Я хочу объяснить все эти страшные явления, подвести их под общие законы природы, содействовать истреблению суеверных страхов, а он, напротив, старается уверить, что все эти страшилища – сущая правда, и что нам никогда их не объяснить, не прибегая к чудесному. Что будешь с ним делать? Как бы то ни было, в ожидании появления моего знаменитого *in quarto*, я намерен сделать для вас несколько выписок из моей тетрадки. Наперед вас предупреждаю, что в ней воровство ужасное: на одну мою страницу в ней иногда десять страниц чистого перевода, а потом столько же страниц извлечений. Пестрить страницы ссылками на источники моих похищений было бы бесполезно; некоторые из книг вы не найдете, других не станете читать, это – смесь книг умных и безумных, медицинских, математических, философских и не принадлежащих ни к какому разряду. Наперед кланяюсь перед всеми жертвами моего грабительства; немногие в наше время способны на такую откровенность...

С чего начать? Несколько выше я, кажется, проговорился о главных основах моей системы, то есть о необходимости искать причины видений и привидений, во-первых, в нас самих, а во-вторых, в предметах, нас окружающих. Эти основания, как основания почти всех теорий дурных и хороших, кажется, недовольно ясны; постараюсь выразиться подробнее.

О причине видений, находящихся в нас самих – каковы, например, болезненное состояние нашего организма,

обманы чувств, – было написано много, но до сих пор, кажется, еще мало было обращено внимания на связь сих обманов с различными явлениями природы. Под сими последними явлениями я разумею такие феномены, которые по своей незначительности обыкновенно не обращают на себя внимания естествоиспытателей, но которые значительно способствуют обману наших чувств.

Постараюсь, чтобы эта фраза была последнею ученою выходкой в моих письмах, и спешу объяснить ее примером.

В прошлом году я переехал с дачи ранее обыкновенного; несколько теплых дней захватили меня в городе. Однажды, около полуночи, сделалось так душно, что я отворил окошко в моем кабинете, но, однако же, не слишком полагаясь на теплоту петербургских ночей, благоразумно сел в кресла, стоявшие в другом углу. Не поскучайте этими подробностями: они очень важны; больше всего вспомните, что мой кабинет в четвертом этаже. Ночь была в самом деле прекрасная, городской шум утих; все домашние в доме у меня спали; «на светло-голубом эфире, золотая плавала луна...». Как бы то ни было, я вполне наслаждался этим чувством тишины, столь редким в многолюдном городе. Вдруг сзади меня послышался шелест шагов; сначала я подумал, что проходит кто-то из домашних, и ни обратил на это внимания; но шелест продолжался; он походил на медленное шарканье больного человека; словом, это были точь-в-точь такие шаги, каких можно ожидать от привидения; признаюсь вам, что я несколько хоть удивился, встал с кресел, посмотрел вокруг себя: двери были закрыты, шелест явно слышался в углу у печки; я прошел в другую комнату – всюду вокруг меня было спокойно; вхожу опять в кабинет – в углу у печки опять тот же шелест, который то ослабевал, то усиливался, смотря по тому, как я приближался к углу, или удалялся от него. Представьте себе на моем месте господина или больного, или пораженного какой-либо потерей, или просто с пламенным воображением, а не меня, холодно читавшего в это время

корректуру какой-то статистической статьи: – чего б не могло воображение присоединить к этому *действительно* му шелесту шагов? Я не успел выйти из недоумения, как шелест шагов прекратился; я еще был в раздумье над этим странным явлением, как шаги послышались снова; – это уже было слишком. Мне было досадно, и даже, признаюсь вам, немножко страшно. Прислушиваясь внимательно к этому невидимому звуку и стараясь призвать на помощь все свое хладнокровие, я заметил, что в промежутках между шагами было что-то мерное, привидение как по метроному не делало одного шага скорее другого. Я подумал сначала, что здесь играло роль отражение звуков часового маятника, но скоро нашел, что это дело невозможное, ибо часы находились от меня за несколько комнат. Осматривая внимательно кабинет, я, наконец, подошел к растворенному окошку, и скоро услышал тот же звук, но гораздо сильнейший; загадка объяснялась самым простым образом: на Фонтанке, против моих окон, стояла баржа с дровами; из нижней части, находящейся над водою, выплескивали воду, обыкновенно натекающую в подобные баржи, звук, производимый этим плеском не слышен при городском шуме, но столько был силен, что входя в открытое окно четвертого этажа, по особому акустическому устройству комнаты отражался именно в одном углу ее, и почти не слышен был в другом. Вот такого рода явления я называю причиной привидений, находящихся вне нас и обманывающих нас в больном или здоровом состоянии.

Такого рода явлений тысячи; скольким заблуждениям подвергает нас какое-либо странное устройство комнаты! Вам известна большая часть акустических обманов, происходящих в комнатах со сводами, или имеющих эллиптическую форму. Помните старую залу Большого Театра: в некоторых ложах вы слышали суфлера гораздо явственнее, нежели актера; казалось, что суфлер говорил вам на ухо; часто вы слышали в одной ложе духовые инструменты прежде струнных, в другой – струнные прежде

духовых. Вы, верно, также замечали, сходя по лестнице после бала, когда жар общих разговоров, кажется, усиливается, – что вдруг одно слово, сказанное не громче других, раздается по всему подъезду, это случается тогда, когда звук этого слова настроен в один тон с каким-нибудь стеклом в окошке, а иногда и с целым сводом. Все эти явления понятны и даже могут быть вычислены, ибо происходят в определенных, измеренных линиях; но какой математик приведет в числа все фантастические линии, происходящие в наших дедовских домах от бесчисленных пристроек и перестроек каждого нового поколения, каждого нового жильца?

Какие тут могут произойти трубы, звукопроводы, так сказать, акустические микроскопы? А вы знаете, что именно в старых домах привидения любят поселяться, шуметь по ночам и делать всякие проказы. На сей-то род явлений я намерен обратить преимущественное внимание, как вы увидите это впоследствии; теперь же мы побеседуем с вами о первой причине видений, то есть происходящей в нас самих, почти без всякого содействия внешней природы.

Все эти наблюдения, правда, уничтожают поэзию привидений, но успокойтесь, еще много останется – ...в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

(Все теории и примеры в сем письме
почерпнуты из Гагена)

У нас пять чувств, как известно: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание; но часто болезни или природное расположение органов, посредством которых действуют наши чувства, то есть глаза, уши, язык и прочее, действуют так неправильно, что чувства наши передают уму совершенно ложные впечатления; это продолжается до тех пор, пока наш организм не придет в натуральное, здоровое положение. Каждое чувство которого орган находится в болезненном состоянии, весьма удобно может нас вводить в заблуждение и давать ложную идею о предметах; так, например, одержимому желтухой все предметы кажутся желтыми; при сильном засорении желудка теряется вкус, пища и питье кажутся горькими; от одной болезни ослабевает зрение, от другой слух и так далее. Все эти явления, когда наши чувства дают нам о предметах такое понятие, которое противоречит нашему обыкновенному понятию о том же предмете, ученые называют общим именем: обманом чувств.

Обманы же чувств делятся на два главных рода: на *иллюзию* (illusions) и *галлюцинацию* (hallucination).

Одно на другое довольно похоже. Но под словом иллюзия (что можно перевести просто словом: *чувственный*

обман) ученые понимают то состояние, когда человек составляет о каком-нибудь предмете противоречащее истинному или нашему об нем понятию, под словом же галлюцинация (что можно перевести: *способность к видениям, не привидимость ли?*) разумеют такое состояние организма, когда человеку являются предметы, в самом деле не находящиеся перед ним, часто в настоящем своем виде, но с символическим значением. Сверх того ученые разделяют все обманы чувств на обманы зрения, слуха, вкуса, обоняния, осязания, отдельно, и на обманы, производимые или несколькими чувствами, или всеми вдруг. Сей предмет весьма недавно обратил на себя внимание европейских физиологов, и поныне не довольно еще обработан, несмотря на его важность в отношении к нашей внутренней жизни, на его юридическое значение и вообще на ролю, которую он может играть в разных обстоятельствах нашей жизни.

Рассмотрим обманы чувств в двух вышеозначенных видах, и начнем с обмана, производимого в нас чувством зрения. – Причина сего обмана, как кажется, заключается наиболее в болезненном расположении тела, а иногда зависит от влияния посторонних материалов и нравственных обстоятельств, которые производят необыкновенную раздражительность в нервах и располагают нас к восприятию самых сильных впечатлений, производимых в нашем воображении внешними предметами, которые в этом положении действуют на нас в каком-то превратном и неестественном виде; от сего и происходит какое-то хаотическое смешение в идеях, рождающихся в мозгу при содействии страждущих чувств.

Обман зрения.

Иногда, как выше отмечено, внешние предметы представляются нашим глазам совсем не того цвета, какой они действительно имеют. Если, став против окна, долго смотреть в одно и то же время на предметы светлые и тем-

ные, а потом обратить глаза свои на светлую стену, то в эту минуту предметы, казавшиеся до этого темными (например, рамы в окошке), представлятся светлыми. – Таким образом, когда зрение наше вдруг переходит от предметов темных и светлых и обратно, то предметы, которых впечатление осталось еще в органах зрения, покажутся различно окрашенными, или, что все равно, глазам будут представляться какие-то цветные пятна. – Если сидя под окном, во время ясного солнечного дня, будете долго держать в руках книгу, так чтобы солнечные лучи прямо в них ударяли, то буквы будут казаться в глазах то зеленого, то красного цветов. Сюда принадлежат и цветистые окраины, с которых представляются иногда в глазах наших предметы, сильно освещенные, когда мы на них долго смотрим. Если кто долго занимается с сильным напряжением умственных способностей, находится в душевном расстройстве, или изнуряет свои физические силы продолжительным бдением, не укрепляя себя сном, то весьма часто черные буквы на бумаге кажутся ему с красными или голубыми окраинами. То же самое бывает и у оконничных рам, если прилежно устремить зрение на предметы за окном находящиеся, или, ставши перед столом, долго смотреть на какой-нибудь предмет, находящийся между окном и глазами, например, на какое-нибудь острие, палку и тому подобное. – В желтухе, как сказано выше, больному все предметы кажутся желтыми, в других болезнях они же нередко представляются зеленоватыми.

Диц рассказывает о себе следующее: «Я сам по собственному опыту удостоверился однажды, что внешние предметы могут представляться глазам нашим не в натуральном их цвете, хотя бы и не происходило никакой материальной перемены в органах зрения. Однажды вечером лег я в постель, чувствуя небольшую боль от засорения желудка; когда на другой день я встал с постели, то, к удивлению моему, заметил, что все, окружающее меня было прекрасного зеленого цвета, как будто бы я смотрел в

очки с зелеными стеклами. Сначала мне никак и не приходило в голову, что такая перемена в зрении происходит от болезненного расположения глаз моих, потому и обратил я внимание спавшего в той же комнате брата на такое странное оптическое явление, – лишь после его неоднократных уверений, я убедился, что меня обманывает зрение. Через несколько времени предметы, представлявшиеся мне сначала светло-зеленого цвета, стали казаться в темно-зеленом, но через полчаса цвет этот начал становиться бледнее, и наконец исчез совершенно, уступив место натуральному. Кажется, нельзя было думать, чтобы в такое короткое время могла произойти какая-либо материальная перемена в органах зрения, – как, например, изменения в цвете глазной жидкости, – и нельзя было допустить, чтобы все это так скоро пришло в прежнее положение; посему должно приписать этот обман зрения особенному сочувствию глаз с желудком».

У некоторых людей таковая перемена зрения весьма обыкновенна (*scopie*); иным внешние предметы кажутся совершенно бесцветными или сероватыми: преимущественно цвета известного живописцам под именем *Sepia*. Другим же предметы представляются смешанных цветов, например: светло-желтого с зеленым, пурпурового с синим, темно-красного, темно-зеленого и темно-коричневого с черным. – Один гравер купил себе темно-коричневый суконный сюртук, вместо зеленого, и носил в твердой уверенности, что его сюртук зеленый. Этот же гравер, еще в детских летах, беспрестанно ошибался в выборе и употреблении красок и принимал одну вместо другой; отчего рисунки его имели совершенно странный, фантастический колорит. – Некоторым все цвета без различия кажутся или синими, или коричневыми; другим же они представляются синими или желтыми с различными оттенками.

Другой род обмана зрения состоит в том, что мы иногда вместо того, чтобы представляющиеся нашему зрению предметы видеть просто по одиночке, видим их

вдвойне и даже в нескольких повторениях. – Если под вечер, во время сумерек, или в мрачный день, будете смотреть несколько минут пристально на окошко и потом поворотите глаза несколько в сторону так, чтобы та часть глаз, в которых удерживается еще отпечаток или изображение темноватых оконных перекладин, упала бы на прозрачное стекло, то увидите множество светлых полосок, изображающих деревянные перекрытия оконничной рамы, которые будут извиваться по светлomu стеклу. – Или, поколите на карте булавкой два отверстия, и притом так, чтобы они отдалены были друг от друга на такое же расстояние, какое находится на лбу между обоими глазами; потом зажмите один глаз и смотрите другим через карту на горящую свечу или на кусок белой бумаги, на которой сделана черная точка; тогда увидите следующее явление: сначала будет вам казаться, что вы смотрите сквозь туман; оба картонных отверстия покажутся вам гораздо более, нежели каковы они в самом деле; потом покажется вам, что они начинают сливаться в одно с другим своими окраинами, и наконец составят один общий круг, а свечное пламя или черный пункт, на бумаге изображенный, представится глазу вдвое более настоящей своей величины. Этого мало: каждый предмет может казаться в несколько раз более, смотря по тому, сколько было сделано отверстий в карте.

Близость или отдаленность предмета имеет большое влияние на обман зрения; так, например, известно, что дети часто протягивают руки к Луне, думая, схватить ее; слепорожденные, когда удачная операция расторгла завесу мрака, скрывавшего от них видимую природу, думают, что все предметы непосредственно находятся перед ними. То же самое рассказывают и о Каспаре Гаузере, которому предметы, видимые им в окно, казались большой картиной. – Нервы зрения у одного сумасшедшего были так чувствительны, что однажды, рассуждая о действиях солнечных лучей, он представил себе, что они от него не далее, как в четырех шагах. – Одна безумная рассказывала

по выздоровлении своем следующее: «Однажды вечером лежала я в постели и смотрела пристально на мою надзирательницу, которая мне тогда представлялась в виде какого-то страшного привидения. Тут вдруг показалось мне, что горевшая на столе сальная свечка стала бегать по комнате; но всего удивительнее было для меня то, что огонь по прежнему горел на столе, а сало текло из отверстия в стене в виде фонтана или водопада. Мне представилось, что этот водопад устремляется прямо на меня, что он душил меня, отчего я и стала громко кричать».

Предметы, спокойно лежащие или стоящие, иногда зрению нашему представляются движущимися. Во время езды на паровозе или пароходе деревья, по сторонам дороги находящиеся, или берега, кажутся мимо летящими. В обмороке или сильном опьянении все предметы кажутся кругом вертящимися около одного центра. Некоторые люди, одержимые психическими болезнями, не могут ни читать, ни писать, потому что им представляется, будто бы буквы на бумаге бегают, прыгают и гоняются одна за другой.

Иногда предметы представляются зрению наизуоборот. Одна девица, одержимая истерикой, во время своих припадков воображала, что видит все окружающие ее предметы наизуоборот, что ей казалось очень смешно; столы для нее были опрокинутыми, люди ходили на головах; с прекращением припадков прекращалось немедленно и ее заблуждение. В некотором смысле принадлежат сюда также те случаи, когда больной видит только одну какую-либо часть в предмете.

От этого, может быть и происходило, что некоторые видели людей без головы, дома без крыши и прочее тому подобное. Для объяснения этого нужно было бы прибегнуть к анатомическим объяснениям, которые вас испугают, графиня. Довольно если я вам скажу, что этот странный обман зрения происходит от бездействия некоторых органов глаза, в то время как другие его части находятся в должном порядке.

Как часто мы не узнаем некоторых предметов и лиц, или принимаем их за другие! Это вероятно удавалось вам неоднократно испытывать и над собою; здесь также обман зрения. – Верно случалось вам также, во время путешествия или прогулки в темную ночь, видеть в каждой сосне, в каждом высоком дереве подобие башни или строения, принадлежащего к тому месту, к которому вы спешили. Новички в морском деле нередко принимают отдаленную землю за волнующуюся массу тумана и наоборот. Лунный свет очень благоприятствует для таких обманов зрения: Гаген говорит, что ему очень часто случалось принимать длинные тени, бросаемые на землю высокими предметами, за вырытые в земле канавы... Но пора кончить эти общие примеры и рассказать вам несколько анекдотов, в которых лунное сияние играет важную роль.

Древние, по свидетельству Плиния (lib. II, 102), приписывали луне разные чудеса: они называли ее звездой духа жизни или жизненного духа; они думали, что от ее влияния земля наполняется питательными соками; что при ее приближении все вещества расширяются, а с ее удалением сжимаются; что между новолунием и полнолунием растут раковины, количество крови в человеке увеличивается, и прочее, тому подобное. До сих пор простолюдины приписывают луне таинственную силу; вспомните рассказы о действии луны на оживление вампиров, мертвецов; недаром поклоняются луне и ждут от нее вдохновения. Знаете ли, отчего все это происходит? Увы, оттого, что свет луны удивительно способствует обману зрения! Мне очень жаль бедной луны, но должно признаться, что все рассказы о являвшихся привидениях тогда наиболее сомнительны, когда таинственное происшествие случилось при лунном сиянии. Сколько раз висящие на стене невинные полотенца, освещенные луной, были принимаемы за привидения! Вот вам действительно случившийся анекдот, который убедит вас в справедливости моих слов. В отдаленной части Шотландии путешественник был застиг-

нут ночью на дороге и принужден искать себе ночлега в одной маленькой и уединенной хижине. Путешественник наш принят был радушно, и хозяйка, отведя его на покой в особую комнату, стала уверять его с каким-то загадочным и боязливым видом, что окно хорошо заделано. Осматривая прилежно стену, в которой было прорезано это окошко, путешественник заметил, что возле окошка был пролом, вероятно, сделанный для того, чтобы увеличить отверстие. Когда он пожелал узнать тому причину, то получил в ответ, что один пастух, который незадолго до того времени ночевал в самой этой комнате, повесился на ее дверях. По общепринятому в этой стране суеверному правилу, не позволялось вытащить тело самоубийцы сквозь двери, а окно было для того слишком узко, почему хозяева и вынуждены были проломать часть стены, чтобы вынести покойника. При этом рассказе дали путешественнику заметить, что с тех пор пастух иногда показывается ночью в этой комнате, отчего никто из домашних никогда в ней не ночует. Хотя путешественник наш и не верил привидениям, однако ж не без некоторого тайного страха лег в постелю, подложив подле себя на всякий случай оружие. Между тем во сне пригрезилось ему какое-то страшное лицо, которое как казалось ему, стояло у его постели. Когда он проснулся, встревоженный сновидением, то заметил, что сидит на постели с пистолетом в руке. Окинув комнату боязливым взором, он ясно увидел при лунном свете, прямо против его и рядом подле окошка, стоит, закутавшись в гробовой саван какой-то длинный и неподвижный призрак. Путник с большим усилием решился наконец приблизиться к этому ужасному видению, в чертах и одежде которого, как казалось, он узнавал то самое страшное лицо, которое нарушило сон его. Подошедши кое-как к стене, стал он шарить рукою по тому месту, где, как казалось ему, стоял призрак, но, не находя ничего под рукою, возвратился опять к постели; однако ж он побоялся опять лечь спать. После некоторого отдыха, в продолже-

нии которого он успел собраться с мыслями и придумать средство освободиться от столь неприятного положения, путешественник принялся снова за свои разыскания, и наконец открыл, что предмет его ужаса происходит от удара лучей лунного света на стену, ибо лучи эти, проходя через разбитое в окне стекло, образовали собою длинный, блестящий призрак, которому разгоряченная предшествовавшим тому сновидением фантазия путешественника, с наивозможной точностью, придала черты, наружность и все принадлежности трупа, приготовленного к погребению (Ferriar, Hibbert).

Сюда принадлежат также воздушные оптические явления, случающиеся с путешественниками в песчаных степях, которые так часто обманывали французских солдат во время бонапартовой экспедиции в Египте. Во время дальних и затруднительных переходов через знойные пески, при палящем африканском солнце, умирая от жажды, они часто думали видеть перед собою вдали роскошные цветущие поля или обширные озера, в которых надеялись утолить жажду, но, подходя к тому месту, где предполагалось отдохнуть и освежить силы, они снова находили ту же степь, те же пески; луга, озера – были оптический призрак, происходивший от волнений паров или нагретого воздуха. Это волнение в малом виде можно заметить днем, смотря на предметы сквозь то место, которое находится над пламенем горящей свечи, – и даже в поле, летом, в жаркий полдень, если, прилегши к земле, смотреть издали на дальний лес, или на другой темный предмет.

Знаменитый Кардан, не помню в каком городе, однажды чуть было не сделался жертвой простого народа, который, собравшись на площади, смотрел на изображение человека, находившегося будто бы в облаках. Кардан показал народу, что это изображение было портрет статуи, находившейся на каком-то здании и отражавшейся в густых парах воздуха. Для произведения такого оптического обмана нужно много условий, но оно возможно.

Вспомните обо всем, что писано о явлениях, известных под именем «мираж», «фата-моргана». Я не упоминаю о них, ибо они описаны во многих детских книгах. Арабские и персидские поэты рассказывают нам много чудесного о их явлениях. Иногда, и в особенности в то время, когда дух наш в каком-нибудь нравственном волнении как будто ожидает, чего-то сверхъестественного, тогда самые обыкновенные, ежедневно нами видимые предметы делаются в глазах наших в самом деле сверхъестественными. Вот вам пример: повар одного купеческого корабля, во время переезда, сделался болен и умер, надо прибавить к этому, что у него одна нога была короче другой, почему он и ходил, прихрамывая. Несколько дней после того, как спустили в море труп его, лейтенант этого корабля будит капитана ночью и объявляет ему, что повар плывет за кораблем, и что все матросы собрались у борта смотреть на чудо. Капитан рассердился, сначала приказал было оставить его в покое и наблюдать, кто прежде прибудет в Ньюкестль – корабль ли, на котором они плыли, или повар, которому вздумалось плыть туда же. Но скоро лейтенант счел нужным еще раз разбудить капитана, говоря, что экипаж приходит в совершенное отчаяние, да и что он сам в большом недоумении, ибо в самом деле видел перед кораблем что-то страшное, движущееся в воде, и которое, как все уверяли, походило на повара как две капли воды, что на нем была даже шапка, в которой обыкновенно он ходил. Капитан, вышед на палубу, нашел весь экипаж в таком расположении духа, что счел нужным сказать, будто и ему в самом деле тут кажется что-то странное, о чем он прежде не думал, и будто бы он теперь не знает, как разрешить эту загадку. Слова эти так встревожили весь экипаж, что все матросы от страха не знали, что делать и почти оставили управление кораблем. Наконец капитану пришла счастливая мысль направить ход корабля прямо на фантом повара, но ни один человек не решался взяться за руль. Вынужденный сам исполнить эту работу, капитан

приблизился к неизвестному призраку и открыл к общему всех удовольствию и смеху, что перед кораблем их плыл не покойник-повар, наделавший им столько хлопот, но просто кусок дерева, принадлежавшего какому-нибудь разбитому кораблю и имевший подобие человека. Не догадаясь капитан приблизиться к мнимому привидению – нет сомнений, что это происшествие сделалось бы *происшествием, которому были очевидные свидетели*, а эти свидетели не отказались бы даже подтвердить под присягой то, что они видели *своими* глазами, – кто-нибудь, например, доктор Кернер, засвидетельствовав подписи очевидных свидетелей, обнародовал бы это происшествие во всеобщее сведение; долгое бы время переходила эта история от одного легковверного рассказчика к другому, и не один исправный и смелый, но суеверный моряк, дрожал бы, может быть от страха, слушая такое повествование... Кстати, о моряках: некто был подвергнут морской болезни, которая перешла в умственное помешательство. Движения его глазного яблока были так неправильны, что он не мог ничего ясно видеть. Когда по этой причине предметы в глазах его колебались, а ноги не довольно твердо служили, то он имел привычку кричать: «море сильно волнуется». (American Journal of the medical sciences, vol. 5).

В некоторых болезнях человек принимает одно лицо за другое. Весьма замечательное смешение лиц рассказывает доктор Драке: один из его пациентов страдал умственным помешательством и конвульсиями. «Я был однажды свидетелем, – говорит доктор, – одного весьма замечательного помешательства в уме и чувствах моего больного; однажды конвульсии, которым он был подвержен, только что прекратились за несколько минут до моего прихода. Когда я вошел в комнату, то нашел его сидящим на краю постели и отчасти в помешательстве; я начал просить его выпить принесенное мной лекарство, но он упорно стал отвергать мое предложение, уверяя, что он совсем не болен. Наконец, после многих убеждений, он со-

гласился принять лекарство, однако с условием, если оно будет предписано доктором Драке. Напрасно я его уверял и старался доказывать, что я именно доктор Драке; он никак не хотел верить моим словам, утверждая, что я доктор С., который прежде лечил его домашних. Видя, что никак не могу его разуверить и вывести из такого забавного заблуждения, я тотчас прибегнул к хитрости, которая имела желанный успех: я взял шляпу, раскланялся, вышел из комнаты, так чтобы он мог это видеть, и через несколько минут вошел опять с большим шумом, причем все, тут находившиеся со мной раскланивались, как с новопришедшим, и громко называли меня доктором Драке. Я подошел к постели больного, взял его за руку, и был им тотчас признан за доктора Драке, несмотря на то, что за несколько минут он принимал меня за другого врача. Он стал мне рассказывать, довольно связно, что его хотели обмануть, призвав для пользования доктора С. ..., благодарить меня за посещение и очень охотно согласился выпить лекарство, которое прежде никак не хотел принять от меня, когда я ему казался другим человеком. Вскоре потом лекарство мое стало действовать и умственное затмение больного миновалось».

Пьянство также производит род бреда (*delirium tremens*). Один солдат, находясь в таком состоянии, принимал пользовавшего его врача за своего вахмистра, которого, вероятно, очень боялся. (*Barkhausen*). Один ремесленник в подобном припадке сажился с ложкою в руке за стол, на котором лежала раскрытая книга. Эту книгу он принимал за блюдо с кушаньем и прилежно черпал из нее ложкою, приговаривая при том, что рыба очень неприятна для вкуса (*Ibidem*, p. 173.) Один молодой человек, недавно женившийся, приходил в исступление каждый раз, когда замечал нежные ласки между мужем и женою, потому что в каждой чужой жене воображал видеть свою собственную. Одна дама, подверженная частым истерическим припадкам, сидела беспрестанно возле окошка, и как

скоро замечала на небе какое-нибудь красивое облачко, то, принимая его за воздушный шар, начинала кричать из всех сил: «Гарперен! Гарперен! Возьми меня с собою!». Один кавалерийский офицер, примечая на небе массу скопившихся облаков, воображал видеть в них отряд войска, отправленного Наполеоном в Англию по воздуху, для высадки. Часто люди, страдающие расстройством умственных сил, собирают бережно и хранят тщательно камни, битые стекла и прочее, принимая их за алмазы, жемчуг, разные драгоценные камни и редкие произведения природы (Esguirol). Часто больные того же рода принимают тени за настоящие и действительные существа. Некто, одержимый ипохондриею, в припадке болезни схватил палку и, начав колотить ею по полу между стоящей в комнате его мебели, добрался до гостиной, где в то время были у него гости. Бросаемые на пол мебелью тени он принимал за мышей. За этими-то незваными гостями бегал он с палкою из угла в угол, стуча ею по полу под находившеюся в комнате мебелью, и, разумеется, чем более он бегал и колотил по полу, тем обманчивее для него была игра света и теней, происходившая от отражения горевших в комнате свечей. А как тени от скорого движения его беспрестанно переходили с места на место и казались ему множеством мышей, то и полагал он выгнать их из комнаты стуком своей палки и крайне сердился, не видя успеха в своей работе. – Один больной не хотел пить никакого вина, потому что отражавшееся в бутылке изображение врача его он принимал за своего брата, который будто бы спрятался в бутылку, что и поселяло в нем опасение проглотить брата. – Одна молодая дама, находившаяся в помешательстве, часто отказывалась вовсе от пищи, уверяя иногда, что кушанье набито иголками, которыми она может подавиться...

Однако, пора кончить это длинное письмо. Если бы мы жили в нежном, остроумном веке Демутье и Эмилии, я бы к этим обманам зрения присоединил описание другого

✱ ПИСЬМО ВТОРОЕ ✱

действия глаз и рассказал бы вам тысячу нежностей и учтивостей. Но мы живем в веке холодном, положительном, и теперь, чтобы занять вас, я смело делаю выписки из медицинской книги, и знаю, что вы за это на меня не посетуете. В будущем письме поговорим о представлении в наших глазах несуществующих предметов. Обещаю вам много страшного...

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

- Я бы теперь должен описать вам, графиня, те обманы зрения, которые известны под именем галлюцинации, и которые наиболее подавали повод к рассказам о привидениях. Но, может быть, вы спросите меня: чем могу я вас уверить, что привидение было действительно лишь обманом зрения?.. Вопрос довольно затруднительный. Часто подверженный галлюцинациям рассказывает о своем видении так живо, так вероподобно; иногда его можно уличить в явном обмане, например как Паскаля, который беспрестанно думал, что возле него пропасть; но бывают случаи, где проверка нашими собственными глазами не может иметь места, например, когда рассказываемое происшествие, утверждаемое многочисленными свидетелями, случилось в отдаленном от нас времени или месте; иногда же, увы, мы должны умолкнуть просто от недостатка наших сведений. Действительно,

многое, что теперь нам кажется чудным, непонятым, подверженным сомнению или полному отрицанию, будет делом понятным и обыкновенным для наших потомков, точно так же как чудесное и невероятное для древних – ныне для нас принадлежит к числу вещей самых обыкновенных. Один из замечательных людей нашего времени, защищая свою промышленно-поэтическую теорию, выходящую из пределов возможного, и которая ныне сделалась добычею истории, говорил: «Положим, что в веке Августа кто-либо изобрел порох и компас, скрыв свое изобретение, в продолжение двадцати лет трудился бы над его усовершенствованием, и наконец дошел до того, что мы ныне называем артиллериею, минами; вообразим, что изобретатель предстал бы тогда пред знаменитых людей августовского века, держа в одной руке пороховой патрон, а в другой компас, и произнес бы следующую речь: «Мм. Гг.! Этим черным порошком можно переменить всю тактику Александра Македонского и Юлия Цезаря; этим черным порошком я могу взорвать на воздух Капитолий (посредством мины), за версту разрушить городские стены (бомбы и проч. т.п.), в одну минуту обратить весь Рим в развалины (взрывом большого количества пороха), на расстоянии 500 шагов уничтожить все римские легионы (артиллерия), уравниять силы самого слабого воина с силой самого сильного (ружье), наконец, помощью этого черного порошка я могу носить в кармане гром и молнию (карманный пистолет); при пособии же сего другого орудия (компаса) я могу направлять ход корабля, как днем так и ночью, как в тишь, так и в бурю, терять берега из вида и не справляться с звездами».

Нет сомнения, что умные Меценат и Агриппа, выслушав такую речь, сочли бы автора сумасшедшим, а между тем в этой речи нет ни одного слова, которое бы ныне не относилось к предметам самым простым и обыкновенным. Таковы и мы в отношении к нашим потомкам. Сколько таких явлений, которые ныне нам кажутся невероят-

ными, но которые, может быть, действительно происходили, и которые отвергает лишь наше гордое невежество! До открытия электричества, вероятно, благоразумные люди считали вздором – рассказы о пламени, появляющемся иногда наверху мачт, которое древние называли Кастором и Поллуксом; рассказы об искрах, являвшихся на железном шпиге, не помню, какой-то горы, и служивших для окрестных жителей предвещанием бури; до изобретения термометра и гидрометра сколько раз, может быть, деревенская помещица, занимавшаяся пряжею, бранила своих прях, зачем иногда пряжа гладка, а в другое время шершава, и причисляла – и вероятно до сих пор причисляет к сказкам уверения работниц, что в сухую погоду пряжа шершавится. Теперь все это понятно и не должно возбуждать ничьего удивления.

Нет сомнения, что многие из таких явлений, которые мы ныне приписываем суеверию и предрассудкам, некогда войдут в разряд самых обыкновенных. Вы верно слышали о знаменитом графе Сен-Жермене; много рассказывается о нем пустого; но нет сомнения, что этот знаменитый шарлатан обладал большими для его времени сведениями, если почесть девяносто девять из всего рассказываемого о нем ложным, то все останется одна сотая происшествий, которые могли случиться, и которые между тем не объяснены. Вспомните, что Робертсона, которого фантазмагии и гальванические опыты ныне так известны, за тридцать лет считали в шутку колдуном, несмотря на то, что он обыкновенно начинал свои представления объявлением, что он не колдун, а только естествоиспытатель. Что было бы, если бы он выдавал себя за колдуна? Граф Сен-Жермен, напротив, любил окружать себя таинственностью, но почти нет сомнения, что он знал много такого, чего и ныне мы не знаем. Явления так называемого животного магнетизма для нас теперь ясны. Вообще вся жизнь этого человека заслуживает больше внимания, нежели как то обыкновенно полагают. Вот вам один из мало-

известных о нем анекдотов, но имеющий почти историческую достоверность.

В начале XVIII-го века жил в Париже человек очень богатый, по имени Дюма; в том источнике, из которого я почерпаю это сведение, означены подробно его звание, улица и дом, в котором он жил; я почитаю здесь излишним входить в эти подробности. Семейство Дюма состояло из сына и дочери; сверх того в доме находилась работница, заведовавшая домашним хозяйством.

Дюма за его богатство обвинили, по тогдашнему обычаю, в магии и сношении с духами; этот слух наиболее подкреплялся тем, что у Дюма в верхнем этаже дома находилась комната, откуда хозяин наблюдал звезды и вычислял, по правилам астрологии, влияние звезд на судьбу рожденных под тем или другим созвездием. Многие приходили к нему за этого рода сведениями.

Каждую пятницу, ровно в три часа после обеда, Дюма уходил в таинственную комнату, и запирался на замок; вслед за тем, каждую же пятницу слышались на улице тяжелые шаги огромного мула, который останавливался у ворот волшебного дома. Этот мул мог бы похвастаться красивейшим животным в свете, если бы на левом боку не имел широкой кровавой раны отвратительного вида. На этом муле сидел человек, не уступавший ему ростом и дородством, гордый и важный видом; но на лбу его видны были три столь красные живые рубца, что их можно было принять за раскаленные уголья; по крайней мере, так всем казалось, ибо, при виде страшного всадника, проходящие отворачивались и закрывали глаза.

И всадник и его мул в течение тридцати лет (Дюма было девяносто) являлись по пятницам постоянно, и никто не знал, ни откуда они приезжали, ни куда отправлялись; потому что если и следовали за ними, что случалось довольно часто, их теряли всегда из вида в окрестностях кладбища *des innocens*. Всадник, приезжая к Дюма, оставлял мула на дворе непривязанного; сам же, без доклада,

отправлялся в верхнюю комнату, отпирал, не постучавшись, дверь, внутри и снаружи обитую железом, и запирался с хозяином на час времени, потом сходил один, сядил на мула и уезжал во всю конскую прыть. – Дюма выходил гораздо позже, уже к вечеру.

Такие поступки возбудили различные толки в соседстве. Сын Дюма был уже не молод, потому что ему было пятьдесят лет. Каждый год собирались женить его, а между тем он все оставался холостяком, как равно и сестра его в девках, которая уже имела сорок пять лет, и была, как говорили кумушки, большая ханжа, зла, и любила сплетни.

Сам Дюма пользовался необыкновенным здоровьем. Ни немощи, ни морщины не обличали его старости; он был проворен и силен, говорили даже, что он постоянно пользовался благосклонностию нежного пола, и в околотке ходило множество о нем на этот счет анекдотов; даже в этом отношении, он считался человеком очень опасным.

В одно утро, тридцать первого декабря 1700, в среду (заметьте, не в пятницу), около десяти часов, слышались поспешные, тяжелые шаги большого мула. Дюма случайно находился в своем кабинете. Незнакомец, сошед с мула, по обыкновению, без доклада явился пред тем, кто вероятно не ждал его вовсе, потому что при виде незнакомца, старик вскрикнул с ужасом. Между ними поднялся спор; оба говорили горячо; спор длился. Наконец таинственный ездок вышел из комнаты, и мул помчал его с такою быстротою, что соседи утверждали, будто не могли следовать за ним глазами.

Когда старик Дюма сошел в свою очередь, дети насилу могли узнать его. Это не был уже прежде сильный и крепкий старик: смерть была напечатлена на его лице бледном, холодном, изрытом морщинами; глаза потухли. Он объявил сыну и дочери, что не станет обедать с ними, и вскоре изъявил желание возвратиться в свою тайную комнату; он не мог уже взобраться туда один, и сын и дочь его должны были взять его под руки и втащить по лест-

нице, по которой, казалось, он бы не мог и сойти без помощи. Ему заметили это, и он приказал придти за ним в четыре часа. Сын, по приказанию Дюма, запер дверь снаружи и взял ключ с собою.

Что происходило в этой комнате, неизвестно. В четыре часа в комнату сына вошел какой-то проситель, имевший дело до его отца; сын попросил его помочь ему снести старика вниз; отперли дверь, вошли – комната была пуста: Дюма исчез.

Все поиски были тщетны. Призвали архитекторов, каменщиков, столяров, плотников, печников, осмотрели и обшарили все углы и стены комнатки, но не нашли никакого следа потаенного выхода, и самые деятельные розыски полиции ничего не могли открыть в этом необыкновенном похищении.

Тогда подозрение пало на детей Дюма. Они раздали большие суммы, чтобы доказать свою невинность, и тот и другая умерли, не получив никакого сведения об участии отца своего. С тех пор ездки, в течение тридцати лет еженедельно посещавший старика, не являлся более, мало помалу все это дело забыли. Между тем воспоминание о нем несовершенно изгладилось, и вот что случилось пятьдесят лет спустя.

Маршал Вальруа, весьма склонный к суеверию, часто рассказывал своему царственному воспитаннику Людовику XV разные повести о духах и привидения. Первые впечатления дитяти никогда не изглаживаются. Сделавшись королем, Людовик XV слушал с удовольствием подобные рассказы всякого, и даже не отказывался от вызывания духов.

В числе страшных историй, которые в молодости наиболее нравились королю, рассказ о скрывшемся Дюма наиболее поражал его. Он любил вспоминать об этом происшествии, и наблюдал, какое действие оно производит на слушателей. Однажды король рассказал его в присутствии графа Сен-Жермена. Граф вызвался найти развязку

истории Дюма и объяснить подробности, оставшиеся неизвестными. Маркиза Помпадур слышала этот разговор, приняла участие в предложении графа и упростила короля дозволить ему открыть таинственные происшествия. Прочие собеседники пристали к ней, и граф должен был исполнить свое предложение.

– Сейчас, ваше величество, – сказал он, поклонившись, – прошу только десять минут срока.

Тогда с большим хладнокровием, он стал чертить линии, писать разные алгебраические и астрологические фигуры и тщательно рассматривать; не прошло десяти минут, как он обратился снова к королю:

– Ваше величество! – сказал он. – Работники и мастера-вые, искавшие следов Дюма, или были подкуплены лицами, которые хотели скрыть это дело, или они знали свое ремесло очень плохо. Вот что происходило в одном углу комнаты подле входа; одна половица была подвижная и скрывала лестницу, которая обходит все комнаты; на конце лестницы род погреба; сюда отправился Дюма, приняв напиток, который возвратил ему силы, но здесь, выпив сильный прием опиума, он заснул и не проснулся более.

– Почему злой дух посещал его? – спросил король.

– Ваше величество! – отвечал граф, – я не могу поднять последней завесы, закрывающей эту тайну, не подвергаясь, в противном случае, величайшим опасностям.

Король замолчал и не стал более расспрашивать графа; но госпожа Помпадур, более любопытная, сообщила начальнику полиции открытия графа, прося его немедленно учинить новые розыскания на месте. Начальник исполнил ее волю, что явствует из дела, найденного в архивах полиции. Нашли подвижную половицу, лестницу, подземелье, и в последнем, среди множества астрологических и химических инструментов, труп Дюма, еще покрытый одеждою. Он лежал на земле; подле него находились черепки разбитого агатового сосуда и хрустальной стклянки; на одном из черепков последней сохранились еще следы опиума.

Во Франции носились слухи, что развязка этой истории была придумана маркизою Помпадур и главным начальником полиции, для забавы короля. Предположение более странное, нежели самое происшествие; развязка так многосложна, соединена столь многими физическими затруднениями, что подлог мог легко обнаружиться, слух о том дойти до короля, а такой обман не мог представить выгоды ни начальнику полиции, ни самой маркизе. Впрочем, если сие предположение справедливо, то все останется непонятным, куда девался старик Дюма. Верьте, или не верьте этому рассказу, графиня, но на всякий случай заметьте, что в этом происшествии прекрасный предмет для самой страшной повести.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

— В последнем письме, графиня, я вам рассказал происшествие, при нынешнем состоянии наших сведений необъяснимое. Но, может быть, скажут: это происшествие, отделенное от нас целым веком, не должно обращать на себя внимание и служить достаточною причиною для обвинения нашего века в невежестве. Но вот вам другое происшествие, случившееся два или три года назад, описанное людьми, доныне существующими и заслуживающими полную доверенность. Сие происшествие тем более обратило на себя мое внимание, что его пытались объяснить доныне известными законами природы, и что хотя некоторая часть таинственной завесы приподнята в сем случае, до какой степени — судите сами. В 1837 году господин Лэн, известный английский писатель, прошедший лет семь в Египте, издал книгу «An Account of Manners and Customs of the Modern Egyptians». Вот некоторые отрывки из сей книги вместе с замечаниями ученых издателей «Quarterly Review».

Черная магия, эта собственность или, лучше сказать, эта вечная и непроницаемая тайна египтян, сохранившая доселе свое существование на востоке со времен фарао-

нов, была постоянно предметом исследований и тщательных наблюдений ученых путешественников всех веков и всех наций. Тщетно многие из них пытались проникнуть в этот чудесный, загадочный, туманный мир; тщетно любознательный ум их блуждал около непроницаемых стен сокровищниц восточной мудрости: тайна осталась тайною, и чары египтян не перестают доселе изумлять не только людей суеверных, но и самых опытных, благоразумных, холодных.

Господин Лэн упоминает о многих случаях, которых он был очевидным свидетелем, и после которых он остался вполне убежденным в действительном существовании этих чудных чарований, так же точно, как и капитан лорд Прюдо (Prudhoe), майор Феликси Салт (Salt), бывший в Египте консулом, и многие другие. Все они принесли дань изумления сим древним, донныне необъяснимым таинствам.

Выписываем несколько строк из упомянутой книги Лэна.

«Несколько дней после моего первого приезда в Египет, Салт сильно возбудил мое любопытство рассказом об одном обстоятельстве, касавшемся до магии. У него пропали кое-какие вещи; так как он подозревал людей своих в покраже, то, чтобы настрашать их и тем заставить самого вора сознаться, господин Салт послал за знаменитым чародеем Мугреби. Чародей объявил, что он покажет точное изображение человека, укравшего его вещи, какому-либо отроку, какого выберет сам консул. Позвали одного из мальчиков, работавших в то время в саду. Чародей на чертил пером на ладони правой руки ребенка какую-то диаграмму, в середину ее налил каплю чернил и приказал мальчику пристально смотреть на эту каплю. Потом маг сжег какие-то благовония и несколько лоскутков бумаги, исписанных волшебными знаками; в то же время стал называть различные предметы, повелевая им являться в капле чернил. Мальчик действительно объявил, что он видит все те вещи, а наконец и изображение виноватого:

мальчик описал подробно его рост, фигуру и одежду, и сказал, что он его знает, бросился прямо в сад, и показал на одного из работников; работника привели к консулу, и вор в ту же минуту сознался в своем проступке». (Vol. I, pp. 346,347).

Это открытие не имело бы большой важности в глазах наших, – продолжают издатели «Quarterly», – если б на этом и остановилось могущество так называемого мага: мальчик был соседний, он знал работника, и потому мог знать, что он ворует, – все-таки это любопытно: но несравненно любопытнее обстоятельство, которое вслед за этим рассказывает господин Лэн. Решившись видеть своими глазами все, что он слышал от господина Салта, он обратился к переводчику, находившемуся при британском консульстве, с просьбою: привести шейха Абдель-Кадера-ель Мугреби, на которого, казалось, сниспала магия древних магов времен фараонов, и которого имя знакомо всякому, кто читал прелестную сказку «Мугреби* Волшебник».

Предварительные чары, состоящие в сжигании ароматических веществ и кориандра, разумеется, должно почитать пустяками, точно так же, как и сжение лоскутков бумаги, исписанных различными заклинаниями, каковы, например, «туршун туришун» – имена, как говорил маг, знакомых ему духов.

На этот раз мальчик был взят из толпы фабричных, возвращавшихся в то время с работы, и следовательно не имел предварительного сообщения с старым магом. Когда были сделаны все приготовления, сопровождаемые различными таинственными движениями, маг пробормотал несколько невнятных слов и потом, обратясь к мальчику, спросил его: «видит ли он что-нибудь в чернилах?».

---

* Мугреби значит западный человек, – рожденный в Марокко или, по большей части, в Мавритании – стране Мавров. В этой области, где находились большие школы магии, до сих пор занимаются кабалистикой с необыкновенным рвением.

Мальчик отвечал «нет»; но, спустя минуту, мальчик затрепетал, и как бы испугался:

– Я вижу, – сказал он, – человека, который метет землю.

– Когда он отметет, скажи мне, – продолжал маг.

Вслед за этим, мальчик отвечал:

– Он окончил.

Тогда маг снова, прервав свое бормотанье, спросил у мальчика: «знает ли он, что такое значит флаг?» и на ответ его «знаю» велел ему произнести, не отвращая глаз от чернил: «принеси флаг». Мальчик исполнил его приказание и вскоре сказал: «он принес флаг».

– Какого он цвета? – спросил волшебник.

Мальчик отвечал:

– Красного.

Велено было потребовать другой флаг; исполнив это, мальчик вскоре объявил, что человек принес другой флаг, и что тот был черного цвета. Таким образом было велено потребовать третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой; и мальчик объявлял, когда они показывались, именуя цвета каждого, как то: белый, зеленый, черный, красный и синий. Потом волшебник спросил его:

– Сколько флагов перед тобою?

– Семь, – отвечал мальчик.

Когда это все кончилось, маг положил в жаровню второй и третий лоскуток бумаги, на которых были начертаны заклинания; насыпал еще благовоний семени кориандра; густой дым, поднявшийся с угольев, был нестерпим для глаз. Когда мальчик описал все семь явившихся ему флагов, волшебник велел ему сказать: «Принеси султанскую палатку». Мальчик исполнил это, и, спустя короткое время, объявил, что несколько человек принесли палатку, большую, зеленую, и что они ее раскидывают; потом он прибавил, что они сняли ее. Вслед за этим, по команде мага, мальчик вызвал в свое чернильное зеркало одни предметы за другими, как то: солдат с палатками, которые они разбили, а потом сняли и сами стали в ряды; за солдатами

следовали четыре человека, тащившие быка, и трое других, которые погоняли его; потом быка убили, разрезали на части, положили мясо в печку, и сварили; солдаты съели мясо и вымыли руки. После того явился султан; он ехал к ставке своей верхом на сером коне; голова султана была накрыта высокою красною шапкою; он подъехал к ставке и сел возле нее, ему подали кофе, и кругом его явились придворные. Мальчик явственно видел все эти предметы в чернилах, по мере того, как он по повелению мага вызывал их». (Vol. I. pp. 312, 353).

Хотя этот мальчик был выбран самим господином Лэном, но все можно было подозревать, что между им и магом существовала какая-нибудь связь; что предметы, которые будто бы он видел в чернилах, ему вовсе не являлись, а что мальчик выучил их наизусть в условленном порядке. «Но мы совершенно убедились, – говорят издатели “Quarterly”, – что между ими не могло существовать подобного сношения». Дальнейший рассказ Лэна еще любопытнее.

«Маг спросил меня, не угодно ли мне будет приказать мальчику вызвать кого бы то ни было из моих знакомых, разлученных со мною или даже умерших. Я назвал лорда Нельсона, о котором мальчик, без всякого сомнения, никогда не слышал, ибо, после многих попыток, он едва был в состоянии произнести его имя. Маг приказал мальчику сказать султану: “господин мой тебе кланяется и просит тебя, чтобы ты привел лорда Нельсона: покажи его взорам моим так, чтобы я мог его видеть, поскорей!”. Мальчик исполнил приказание и не медля прибавил: “посланный ушел и воротился; он ведет человека, одетого в черное* европейское платье: этот человек лишен левой руки”. Потом промолчал минуты две, и, всматриваясь пристально и внимательно в чернила, мальчик прибавил: “нет, он не лишен левой руки: она у него лежит на груди”.

* Новейшие египтяне называют темно-синий цвет *асвед*, что собственно значит *черный*, потому и мы перевели его так.

Эта поправка придала более точности описанию; в самом деле у лорда Нельсона рукав обыкновенно был пришпилен к груди, но не левая, а правая рука была у него оторвана. Не говоря, что подозреваю мальчика в промахе, я спросил у мага, так ли в капле чернил являются предметы, как обыкновенно они являются взору, или навыворот, так как в зеркале, где правая сторона становится левою. Маг отвечал, что они показываются как в зеркале, и потому описание мальчика было безошибочно.

Другое лицо, которое я велел вызвать, был египетский уроженец, находившийся долгое время резидентом в Англии, где он носил европейское платье; задолго, перед отъездом моим в Египет, он захворал, и когда я оставил Англию, он все еще лежал больной в постели. Я думал, что имя его, слишком необыкновенное в Египте, может сбить с толка мальчика в описании, хотя другой мальчик, в первом посещении мага, и описал весьма правильно то же самое лицо, сказав, что он носит европейскую одежду, и, судя по его описанию, она была похожа на ту, в которой я видел его перед моим отъездом из Англии. На этот раз мальчик сказал:

– Вот человек, несомый на некоторого рода носилках и закутанный в простыню.

Судя по этому описанию, надо было предполагать, что этот египтянин или все еще лежал в постели, или уже умер. Мальчик прибавил, что лицо его закрыто; маг сказал, чтобы он велел открыть его; мальчик исполнил приказание и сказал:

– Лицо его бледно; у него есть усы, но нет бороды.

Все это было совершенно справедливо». (Vol. I. pp. 554, 555).

Если предположить, по весьма естественному заключению, что, после обыкновенных вызываний флагов, шатров и султана, англичанину ближе всего пожелать вызвать герцога Веллингтона или лорда Нельсона, а французу – Бонапарте или маршала Сульта, и что для этого ку-

десник предварительно приготовил какое-нибудь описание этих знаменитых людей или по портретам, или по сведениям им собранным; то кудесничество мага покажется мало удивительным. Но вот что не объяснимо: присутствовавшие пожелали вызвать Шекспира – и мальчик сделал точное описание наружности сего поэта. Как можно предположить, чтоб египтянин знал Шекспира? Ни маг, ни мальчик не имели, без сомнения, случая видеть подобного сделанному описанию, верному и точному. Но и то могло быть, что кто-нибудь еще прежде просил волшебника вызвать великого поэта, и что на первый раз магия ошиблась; ибо, как говорил господин Лэн и другие, несмотря на всемогущество волшебника, ему однако же случалось делать промахи; неудачу он обыкновенно приписывал или неблагоприятной погоде, или глупости или летам мальчика, и прочее; в таком случае, маг, дорожа своею славою и народностью, вероятно, употреблял все средства, чтобы добыть где-нибудь изображение лица, в изображении которого он ошибался, – для избежания неудачи в другой раз. Хоть это предположение может быть допущено, но каким же образом могло быть передано это сходство портрета? – «Между магом и мальчиком, – говорит господин Лэн, – не существовало никакого заговора, – я в том совершенно уверен, и потому, что мальчик, исполнивший роль, которую я писал выше, был выбран в моих глазах между множеством других проходивших по улице, и потому, что он отверг подарок, который я впоследствии предлагал ему с тем намерением, чтобы он сознался мне, что он не видал в чернилах тех предметов, которые будто являлись глазам его».

Такая же история была и с другим мальчиком в ниже-

116

следующем случае. Конечно, можно предполагать, что живописные изображения, или описания где-нибудь добытые, могли дать магу точное понятие о некоторых известных лицах; но каким образом волшебник мог предварительно приготовить описание неизвестного человека, лежащего в сава-

не, или, например, как объяснить следующий случай, более изумительный, нежели все вышеизложенное?

«Один англичанин, присутствовавший при подобном гадании, насмеялся над всеми этими чудесами и объявил, что он до тех пор не будет убежден в их действительности, пока не сделают ему вернейшего описания его отца, о котором, как он был уверен, никто из присутствовавших не имел никакого понятия. Мальчик, назвав, как водится, по имени требуемую особу, описал человека, в европейской одежде, с рукою приложенною к голове, в очках, одной ногою стоявшего на земле, тогда как другая нога его была приподнята назад, одним словом, в положении человека, только что сошедшего со стула. Описание было совершенно верно во всех отношениях. Отец этого англичанина, постоянно страдавший головною болью, обыкновенно придерживал голову рукою; что же касается до его ноги, то она была повреждена, после падения с лошади, на охоте» (Vol. I, p. 356).

Тут уже не могло быть никакого предварительного сообщения между мальчиком и магом, а главное то, что и сам волшебник не мог иметь об этом предмете никаких сведений. Можно допустить, что мальчик действительно видел все, им описываемое; таким же образом и сам господин Лэн, если б он был на месте этого ребенка, мог видеть то же самое. Волшебник доказал это, приготовив однажды магическое зеркало из чернил на ладони одной молоденькой англичанки, которая, посмотрев в него немножко, сказала, что «она видит метлу, которая сама собою мела землю», и это ее так испугало, что она не хотела далее смотреть. Слушая рассказ (нигде не напечатанный) лорда Прюдо и майора Феликса о чудных действиях египетского мага, мы полагали, что все эти явления были производимы посредством тайного сообщения мага с мальчиком, так же точно, как то было с говорящей куклой-женщиной и с знаменитым игроком в шахматы; но это мнение совершенно уничтожается рассказом господина Лэна. Впро-

чем, желая получить некоторые пояснения насчет предосторожностей, которые он принимал при сих таинственных явлениях, мы сделали господину Лэну несколько вопросов, как например, о месте действия, о том, внутри или вне дома производили опыт; об обществе, которое при этом собиралось, толпилось ли оно около его или иначе; как он сам стоял относительно мальчика и мага, и многие другие вопросы, на которые он нисколько не медля и с подробностью отвечал нам. Действие, как видно, происходило в маленькой гостиной в 15 футов длины и десять ширины, и которую он описывает самым подробным образом, со всею ее мебелью и убранством; маг посетил его вечером. Лэн пишет:

«Общество наше состояло из мага, мальчика, Осман-эфенди (переводчика при британском консульстве) и меня. В смежном кабинете никого не было, и туда нельзя было иначе попасть, как через гостиную. Я был один, когда явился маг. Он прямо сел на диван, и долго сидел, почти не шевелясь; единственные его приготовления были заклинания, которые он начертил на бумаге, и которые я тут же списал; потом велел он принести жаровню и благовоний. Я не сводил глаз с мага во все время его действий. Я сел возле него по правую, Осман по левую сторону, а мальчик был поставлен против мага на скамейку; перед мальчиком была поставлена закрытая жаровня. Левою рукою маг держал его за пальцы правой руки, в которой были налиты чернила; в правой руке маг держал лоскутки бумаги и благовония, которые он по временам бросал на горящие уголья; он строго приказывал мальчику ни на одну секунду не отводить глаз от чернил, во все продолжение действия. Заставляя мальчика вызвать какое-нибудь лицо, я с удвоенным вниманием наблюдал за магом и Османом. Последний, — я в этом совершенно уверен, — не намекал ни словом, ни знаком; да и к тому же, лица, которых вызвал мальчик по моей просьбе, были ему неизвестны. Я принял все меры, чтобы он не имел предварительных сношений

с мальчиком, и иногда даже случалось, что опыт не удавался, когда Осман мог иметь с ним какое-нибудь сношение. Короче сказать, нет предосторожности, которой бы я не взял в этом случае. Здесь еще необходимо упомянуть весьма важное обстоятельство, а именно, что мавританское наречие мага было мне гораздо понятнее, нежели мальчику. Это наречие нельзя назвать чисто мавританским: это была какая-то смесь наречий, книжного, мавританского и египетского, так что маг должен был переменять слова свои, для того, чтоб мальчик его понимал».

Итак, мы можем сказать, что участвовали в колдовстве только трое: маг, жаровня со всеми принадлежностями, и мальчик, мы бы могли также принять чернила за четвертое средство чарования; но понятие, которое мы составили об этом действии, придает очень мало важности чернилам. Мы говорили, что волшебник мог иметь рисунки тех предметов, которые видел и описал мальчик; но каким образом сей последний мог видеть эти рисунки, когда ему было строго запрещено «отводить на одну секунду глаза свои от чернил в продолжение всего действия». Это самое изъясняет, между прочим, почему мальчик должен быть известных лет: слишком малый, он бы не умел объяснить видимые предметы, слишком взрослый – мог упрямиться, или, увлеченный любопытством, посмотреть и на то, что, может быть, ему и не следовало видеть. Нет сомнения, что хотя мальчик не видел рисунков, но видел предметы, на них изображенные, и видел их посредством *отражения*, – это доказывается превращением в магическом зеркале правой руки лорда Нельсона в левую. Но, может быть, сам заклинатель без намерения допустил это. Признание мага господину Лэну, что предметы являются мальчику как в зеркале, может повести к некоторой разгадке этой тайны. Постараемся объяснить наше предположение: отражаемые предметы картины могли являться в вогнутом зеркале, прикрепленном, вероятно, где-нибудь к одежде мага, и скрытом в складках широкой и неуклюжей верхней его

мантии; сжение благовоний, корияндра и лоскутков бумаги, от времени до времени повторяемое, должно было беспрестанно усиливать как жар, так и облако дыма под самыми глазами мальчика, куда и могли переходить все изображения, ибо господин Лэн говорил, что волшебник, жаровня и мальчик находились в одном направлении и могли иметь сообщение; так как первый держал крепко пальцы мальчиковой правой руки, то мог, управляя им по произволу, наблюдать, чтобы фокус отражения упал в магическое чернильное зеркало; а строгое запрещение мальчику подымать глаза было сделано без сомнения с тем умыслом, чтобы не допустить его видеть то место, откуда происходил луч отраженного света. Все эти штуки могли быть легко устроены так, что ни господин Лэн, ни Осман этого не подозревали и не заметили, потому что они сидели за зеркалом, а действие, производимое этим зеркалом, известно всем. Сир Давид Брустер (Bruster), в своих письмах *о натуральной магии*, говорит: «Вогнутое зеркало есть главный инструмент волшебника и всегда играет важную роль во всех оптических обманах; поверхность этого зеркала эллиптическая; если какой-нибудь предмет изображен в одном фокусе эллипса, то в другом фокусе этот предмет является в обратном виде и покажется зрителю, посаженному на известное место, висящим в воздухе, так что, если зеркало и настоящий предмет, отраженный в нем, скрыты от взора присутствующих, то явление это может показаться сверхъестественным. Посредством этих-то зеркал, – говорит Брустер, – жрецы капищ языческих вызывали богов, и привидения являлись посреди дыма, подымавшегося с курений». – Необыкновенные действия подобных заклинаний описаны знаменитым Бенвенуто Челлини, который сам был в одном из них участником: «Целые легионы духов, – говорит он, – явились, по повелению волшебника, посреди дымной атмосферы обширного покоя»; короче, посредством того же самого зеркала, несколько лет тому назад показывали в фантасмагории жителям Лондона друзей их, разлу-

ченых с ними, или умерших. Как же нам не предположить, чтобы уроженец страны, славившейся в древности своими заклинателями, не имел понятия о вогнутом зеркале?

Итак, полагаем, что мы успели приподнять несколько завесу этих тайнств; но еще о многом мы не можем сделать никаких догадок. Мы не можем сделать никакого заключения о средствах, какие употреблял волшебник, чтобы произвести изображения лиц частных, не имеющих никакой известности, как это случилось в присутствии господина Лэна и лорда Прюдо. Нам остается только заметить, что тут воображение могло играть главную роль и весьма способствовать очарованию; но и эта мысль уничтожается, когда подумаем о характере тех лиц, которые были свидетелями этих чудес.

Прибавим к замечаниям ученых издателей «Quarterly», что курение само по себе могло играть значительную роль во всем этом представлении. Некоторые вызыватели духов прошедшего века, как открылось впоследствии, употребляли в курениях разные одуряющие вещества, которые могли всех приводить в некоторый род помешательства. В одном из последующих писем я буду подробно говорить о сем любопытном предмете.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Колдовство XIX-го столетия

По вашей милости, графиня, я попал в записные, привилегированные колдуны. Со всех сторон я получаю описания различных странных, необъяснимых явлений старых и новых (за что, мимоходом будь сказано, искренно благодарю присылателей и прошу о продолжении); эти сведения, вместе с другими изысканиями, цепляясь одно за другое, составили ряд материалов, которых разнообразие заставило меня остановиться, чтобы отдать себе отчет в собранном, а в употреблении оно сохранить и некоторый порядок; с тем вместе я открыл истину, которая часто встречается людям, но в которой не все сознаются, а именно, что много нам остается неизвестным в тех предметах, которые, как казалось нашему самолюбию, мы изучили порядочно, или по крайней мере более других... Но это дело постороннее, о котором поговорим после.

На днях между прочими сведениями, я получил несколько страниц, под выше написанным заглавием, содержащих в себе описание, в высшей степени любопытное. Это описание тем замечательнее, что оно доставлено мне человеком не с простою литературною начитанностию, но с настоящим ученым образованием, соединяющим светлый ум с тою

наблюдательностию, к которой привыкают люди, преимущественно занимающиеся естественными науками. – Это описание просто, в нем помещены все даже малозначащие обстоятельства, предшествовавшие любопытному явлению, все слова, все разговоры, как что было; действующие лица в сем происшествии – тот, кто доставил мне статью, его сестра и другие его родственники и близкие знакомые. Помещаю здесь это описание в том виде, как оно есть, без всяких перемен: оно вполне достойно внимания людей любознательных; в конце позволю себе несколько примечаний.

Il faut avouer que l'on est encore bien loin d'avoir découvert tous les phénomènes vitaux de l'organisation humaine.*

– Здравствуй, Маша, дома ли кузина?

– Нет, маменька у г-жи **вой.

– Как мне жаль! А я приехала звать ее к нам в деревню. Мы едем завтра в двух больших каретах; нас будет много, будет весело; в Царском Селе остановимся погулять. Как ты думаешь, Маша, поедет ли твоя маменька?

– Поедет, я уверена; она знает, что 5 сентября вы празднуете именины вашей тетушки, и хотела непременно провести этот день у вас. Мне также очень хочется к вам; попросите маменьку, чтобы она меня взяла с собою. Ваша деревня ведь недалеко от Петербурга?

– Очень близко, – в 50 верстах. Это прогулка, а не путешествие.

– Я пошлю сказать маменьке, что вы здесь; **ва живет в одном с нами доме, тут – рядом.

– Нет, душенька, поздно, одиннадцать часов; пора домой.

– Подождите, милая Ольга, она тотчас будет, я уже послала за нею.

---

* Надо признать, что нам еще слишком далеко до открытия всех «явлений жизненности» человеческой конституции. (фр.)

Вскоре пришла кузина Вера Павловна. Мы поговорили о поездке в деревню; она согласилась ехать с нами и взять Машу.

– Вот видишь, Ольга, я на все согласна, только сделай и ты мне удовольствие: **ва очень желает тебя видеть; пойдём к ней. Мы с нею разговорились про тебя; я ей рассказала, как ты удачно гадаешь в зеркало, что я сама была один раз свидетельницей, как ты рассказывала нам по мере появления в зеркале призраков про сестру, которая живет в Курске, как она явилась тебе бледная, больная, сидевшая в креслах, и как мы после того узнали, что она в самом деле была в то время больна. **ва хочет просить тебя показать ей, как ты устанавливаешь зеркала, чтобы самой испытать эту тайну природы. Она говорит, что никогда сама не гадала, и что вообще все гадания считает шарлатанством или следствием больного воображения; но если ты подтвердишь ей то, что я про тебя рассказала, то она поверит и сама испытает. Она очень желает узнать все подробности от тебя самой; ведь это что-то вроде магнетизма, которым она так ревностно занимается. Ты не можешь себе представить, какая она любезная женщина.

– Зачем вы ей про меня говорили, Вера Павловна? Она верно будет на меня смотреть своим ужасным взглядом, а мои нервы так раздражительны... Я ее боюсь; она меня измучит. Вы знаете, что я очень неохотно смотрю в зеркало, и что мне дурно делается всякий раз после того. Избавьте меня, прошу вас. К тому же завтра надо нам непременно рано выехать, чтобы поспеть к вечеру в деревню, а теперь уж поздно.

– Неужели тебе самой нелюбопытно показать госпоже **вой силу твоих глаз.

– Глаза мои вовсе не имеют свойства глаз знаменитой магнетизерки. Вы знает, что я неожиданно открыла мою способность в святочных шутках; она годится для забавы, а серьезно об этом не стоит и говорить. Оставьте это; поговорим лучше о нашей поездке, как нам будет весело.

Вера Павловна вышла в переднюю и скоро возвратилась с довольным видом.

– Госпожа **ва приказала тебе сказать, что она ожидает с нетерпением. Она узнала, что ты завтра уедешь, и потому просила меня прийти к ней с тобою сей же час.

– Половина двенадцатого, милая Вера Павловна! Что мы там будем делать так поздно?

– Успеешь отдохнуть. Мы с нею живем на одной лестнице и недолго будем сидеть у ней. Она нетерпеливо хочет тебя видеть; я только дала ей знать, что ты здесь, как она уже прислала просить тебя к себе.

– Что делать! Пойдемте, – сказала я со вздохом.

Проходим коридор. В передней стоят на полу несколько гирь разной величины, гимнастические вешалки, веревочные лестницы; в зале большие крючья вбиты в потолок и в стену, на них висят веревки с узлами; в дверях качели. Насилу пробрались мы до кабинета. Госпожа **ва лежала на кушетке; перед нею стоял стол с лампою, покрытою зонтиком. Довольно темно в комнате; на столе лежит груда толстых книг на немецком языке: это были лечебники, трактаты о магнетизме, ортопедии и пр. Она привстала, когда мы вошли. Мне показалось, что ей лет около сорока; она небольшого роста; лицо ее – несколько смуглое, но приятное, с высоким лбом – выражало ум, спокойствие духа и здоровье; голос – *contralto*. Я не видала ее глаз, потому что боялась их встретить. На ней надета была темная блуза; черные волосы обстрижены были по-мужски; малиновый платок обвивал голову вроде тюрбана.

Она заговорила со мною по-французски очень свободно; разговор и обращение ее были хорошего тона. Легко было заметить, что она посвятила себя пользованию увечных детей. Она говорила с жаром убеждения о магнетизме. К детям, пациентам своим, искренно была она привязана и пользовала их совершенно бескорыстно, побуждаемая чистейшим человеколюбием.

Дети приходили к ней по утру; она давала им игрушки, чтобы занять их сначала, и имела дар привлекать их к себе до того, что они любили ее, как родную мать, и с не-

терпением ожидали часа, в который их привозили к ней. Одним своим взглядом она заставляла всякого пациента делать чрезвычайные гимнастические усилия: иной сухою рукою поднимал тяжелую гирю, хромой вытягивал ногу, качаясь на веревке, горбатый перегибался головою назад, и проч. Все эти невероятные усилия делали они инстинктивно, по собственному побуждению, которое рождалось в них действием животного магнетизма.

Она расспрашивала меня подробно о том, как я открыла в себе способность видеть в зеркале призраки. Я ей рассказала, каким образом на святках узнала я это нечаянно, и как удачно с тех пор несколько раз употребляла мой дар для забавы моих друзей.

– Посмотрите на меня, – сказала она: – мне очень хочется узнать, как силен ваш взгляд.

Видя, что я не решаюсь на нее взглянуть, она рассмеялась и сказала:

– Неужели вы меня боитесь? Поверьте, что от моей воли зависит взглянуть на вас магнетически. Я смотрю на всех обыкновенным взглядом и даже очень дорожу своим магнетизмом.

– Признаюсь вам, я боюсь ваших глаз. Мои нервы чрезвычайно раздражительны. Когда я встречу взгляд человека, явившегося мне в зеркале, то мне делается дурно, и я падаю в обморок, который продолжается иногда более получаса.

– Я не ожидала, чтобы с вашим, по-видимому крепким сложением, вы были так слабы нервами.

– Расстройство нервов моих произошло от внезапной перемены рода жизни. Я никогда не любила многолюдных собраний; еще в детстве моем находила я величайшее наслаждение в уединенном размышлении. Родные мои думали, что я скучаю. Однажды, когда я уже выходила из детства, пришла мысль рассеять скуку в шумной петербургской жизни. Для первого моего появления в свете выбрали день торжественный – первый бал состоявше-

гося тогда общества из нескольких семейств*. Нарядили меня как куклу и ввели в обширный, ярко освещенный зал, где толпились сотни людей и гремел оркестр. Внезапный переход от тихой, однообразной жизни в этот хаос звуков, света, разговоров, шарканья, круженья и пыли, продолжавшийся до шести часов утра, сильно поразили мои нервы. Несколько дней раздавались в моих ушах визг скрипок и рев контрабаса. Во сне мне чудилось, что кто-то схватывал меня в охапку и вертел безмилосердно; голова кружилась, и я теряла чувства. Но пытка этим не кончилась. Добрые мои родные, искренно меня любившие, хотели довершить начатое лечение от *хандры*, – так называли мою склонность к тишине и спокойствию. Ни просьбы, ни слезы не могли избавить меня от беспрестанных балов, театров, визитов, и тогда только оставили меня в покое, когда бледность лица, беспрестанные недуги от малейшей нечаянности, лишение аппетита и частые обмороки убедили моих добрых мучителей, что хандра моя неизлечима.

– Ваш рассказ доказывает, что при воспитании детей, родители должны бы призывать доктора не для одного только лечения от случающихся болезней, но также и для советов по части гигиены.

– Немного докторов в состоянии дать в этом случае хорошие наставления. Видно, что этот предмет еще не довольно исследован; иначе мы не видели бы здесь столько бледных, усталых лиц и на вечера ездили бы наши девицы гораздо реже. По крайней мере наш доктор поддерживал моих родных в их ошибочном мнении.

– Правда, что изучение нервов составляет труднейшую часть физиологии. Жизненность есть малоизвестный деятель природы. Множество физических явлений организма, которых не умеют объяснить, причисляют

---

* Теперь не составляются у нас такие танцевальные общества, но до учреждения постоянного дворянского собрания они бывали почти ежегодно.

к явлениям жизненности, однако в наш положительный век, без сомнения, все эти самозванцы будут скоро сведены в круг физический. Мы видим ежедневные успехи ученых в этом направлении; но много ли занимаются изучением жизненности? Этот предмет сколько любопытен, столько же кажется неприступным, и надо сознаться, что еще далеко не открыты все явления жизненности человеческого организма. К этому-то неведению должно отнести ошибку вашего доктора, так же как и неверие многих в животный магнетизм, френологию и гомеопатию.

– Если столько сомнений окружают факты, подкрепляемые наблюдением множества известных людей, заслуживающих полного доверия публики и сверх того могут быть проверены каждым по собственному его опыту, то что же сказали бы о моем даре видеть в зеркале предметы, отстоящие на большое от меня расстояние и даже, я стыжусь сказать, будущее, хотя и смутно?

– О, этому никто не поверит! И, признаюсь вам, я полагаю в вас только способность видеть призраки при некотором напряжении ваших раздражительных нервов, и готова охотно приписать ее одному из неисследованных еще явлений животного магнетизма. Сходство же призраков с происшествиями сбывающимися, в дальнем от вас расстоянии или будущими, не могу не отнести к дополнениям воображения, как вашего, так и присутствовавших при ваших опытах.

– Я не спорю; однако как не удивляться странности таких сходств, в которых, кажется, ничего нельзя уступить воображению, особенно же когда эти сходства повторяются всякий раз! Я вам расскажу, например, последнее мое гаданье для одной из моих приятельниц, девицы N.

Я видела ее лежащую на одре, покрытую покрывалом; перед нею стоял один из братьев, бывший тогда в отсутствии, с печальным и похудевшим лицом. Через три месяца она скончалась в нервической горячке; при последней минуте ее жизни, тот самый брат, которого я видела в зеркале, стоял перед ее кроватью, и когда она испустила последнее

дыхание, покрыл ее покрывалом. Я могла бы вам представить много таких примеров. Вы полагаете, что я действую животным магнетизмом, но я о нем знаю только понаслышке, и мне никогда не приходило на ум, чтобы я имела магнетическую силу.

– Вероятно, что более или менее всякий организм одарен ею. Может быть, вы имеете такую же силу, как и я, но ее не знаете. В ваши лета я также не знала моей способности. Одно только заметила я, живя в деревне, что, встречая детей, которые мне нравились, одним взглядом привлекала их к себе, и они неохотно от меня отходили. Причиною этого я полагала любовь мою вообще ко всем детям. Однажды проезжал через нашу деревню знаменитый доктор из Германии и остановился у нас на несколько дней. Он заметил во мне необыкновенную магнетическую силу, советовал заняться животным магнетизмом, и выписал для меня книги об этом предмете, которые я читала с большим вниманием. Сначала сделала я несколько удачных опытов над изувеченными крестьянскими детьми; потом привозили ко мне страждущих от соседей и даже от дальних помещиков. В Петербург приехала я для процесса, который надеюсь скоро кончить, а между тем пользую детей моих знакомых и готова подать помощь, сколько могу, всякому, кто бы ни прибегнул ко мне. Магнетизмом действую я посредством одной моей воли; глаза способствуют только устремлению моего внимания на предмет и служат как бы проводником магнетизма. Если вы найдете в себе способность магнетизировать, то советую вам употреблять это средство весьма осторожно; иначе можете сделать много вреда, особенно детям и слабым здоровьем.

– Не думаю, чтобы во мне была способность, подобная вашей.

– Но вы имеете большое предо мною преимущество – видеть будущее.

– Вы надо мной смеетесь, но я не сержусь за это, потому что ворожба не профессия моя. Я гадаю только для за-

бавы других и очень неохотно это делаю: это вредно моему здоровью. Для себя же никогда не решусь гадать; вы не можете себе представить, какой страх находил на меня всякий раз, когда я хотела видеть свое будущее и никогда не имела силы это исполнить.

– Что же вы чувствуете во время гадания?

– Смотря в зеркало, я сильно напрягаю зрение и так сказать вызываю к себе тех, которых хочу увидеть. Обстоятельства и положения, в которых они мне являются, совершенно независимы от моего желания. После гадания я чувствую изнеможение во всех членах.

– Если способность ваша происходит от животного магнетизма, в чем я почти уверена, то вы действуете так же, как и я посредством одной только воли. Зеркало, может быть, способствует проявлению этого действия, но оно конечно не необходимо, и вы бы могли видеть то же самое, смотря на всякий другой предмет или даже будучи с закрытыми глазами.

– Очень может быть, тем более, что один из моих знакомых, так же как и я страдающий нервной раздражительностью, уверял меня, что он имеет подобную моей способность, но что для видений своих он закрывает глаза и может видеть призраки во всякое время дня без всяких к тому приготовлений. Во всем остальном, способы наши и их последствия совершенно сходны. Он также чувствует непреодолимое отвращение вызывать собственную свою будущность и также неохотно делает это для других. Ему, как и мне, опыты эти тягостны, и мы не всегда можем видеть призраки; напротив того, часто случается, что несмотря на усиленные напряжения они не являются.

130 – Я не буду вас просить гадать для меня, но покажите мне, как вы смотрите в зеркало: я хочу сама испытать это новое явление животного магнетизма.

– Новое для нашей недоверчивой образованности, но весьма древнее в истории человечества.

Я поставила два зеркала, одно против другого, и между ними на стол четыре свечи. Известно, что в каждом зеркале представится тогда бесконечная перспектива зеркал и свечей. Стул поставила я в середине, между зеркалами, но с края, так, чтобы ни он, ни мое платье не отражались мне, когда я сяду и буду смотреть в зеркало. После этого села я на стул, чтобы показать, как я смотрю, наклонилась вперед и посмотрела в одно из зеркал.

Не знаю, что было причинною внезапно представившегося мне видения; я нимало не имела намерения видеть призраки и никак не ожидала, что они мне явятся. Было ли это следствием впечатлений разговора в полночь о магнетизме нашего времени, – сообщила ли она умышленно нервам моим сильное раздражение, или невольно произвела в них волнение своим желанием видеть мое гадание; но только едва взглянула я в зеркало, как мгновенно увидела себя в чудном зале; толпа фантастически уродливых мужчин взяла меня на руки и подняла вверх. Испугавшись до крайности этого неожиданного явления, я вскрикнула и побежала вон из комнаты. Кузина моя, встревоженная моею бледностью и внезапным моим порывом, побежала за мною.

Всю ночь я не могла заснуть. Поутру собрались мы в дорогу; наша *partie-de-plaisir* удалась как нельзя лучше: ясная погода, гулянье, катанье в лодке, музыка в саду, дружеское общество – ничто не могло развлечь меня; тоска, уныние и судороги измучили меня. Тетушка встретила меня с удивлением:

– Что с тобою, Олинька? Ты верно была больна; как ты похудела; ты вся дрожишь.

Я не хотела тревожить старушку и сказала ей, что устала от продолжительного гулянья.

Праздник был также удачен, фейерверк сгорел превосходно, всем было весело: мне только было все в тягость, я похудела чрезвычайно и насилу могла оправиться от полночного посещения госпожи **вой...

Здесь заканчивается это любопытное описание*, в высшей степени замечательное. Объяснить такое явление вполне – дело не только трудное, но почти невозможное в нынешнем состоянии наших познаний. Весьма справедливо замечание госпожи **вой о том, что явления жизненности (phénomènes vitaux) доныне еще столь мало исследованы, что их объяснение выходит из пределов возможного; позволю прибавить к сему и то, что в этом случае, как во многих других, явления действительно жизненные смешиваются с явлениями просто физическими или химическими. Новые опыты Мажанди** показали, сколь многие явления нашего организма, почитавшиеся действиями жизненного процесса, основаны на общеизвестных гидростатических законах. Мы не должны ослабевать на сем пути, не должны потворствовать нашей лени, говоря: «здесь происходит жизненный процесс, недоступный нашему разумению». Руководствуясь известными законами, открываемыми нам физикою и химиею, мы должны в каждом непонятном явлении стараться отделить обстоятельства, которые объясняются сими законами, когда же сии науки перестают помогать нам в этом деле, тогда мы еще можем прибегнуть к аналогии с явлениями другого рода, более нам известными; вообще непонятное для человека есть только не довольно исследованное. Впрочем, что значит самое выражение: «понимать явление»? – Говорят: «мы понимаем электрические, механические явления». Ничего не бывало! Сущность электричества, сущность тяжести так же недоступна нашим чувствам, как и сущность физиологических явлений, происходящих в нашем организме и известных под названием животного магнетизма; вся разница в том, что мы легче можем соединить условия, нужные для произведения электрического или механического явления и в большей части случа-

---

* В оригинале под ним находятся следующие буквы: ...в —ь...

** Leçons de Physiologie 1837, 1838.

ев сказать заранее, что произойдет при сем соединении, и напротив редко можем соединить условия, необходимые для произведения животного-магнетического явления; причина понятна: не все сии условия нам известны.

Будем же стараться, при наблюдении таких явлений, отыскивать сходство неизвестных нам обстоятельств с известными по другим отраслям познаний.

Посмотрим, например, в описанном магнетическом явлении с зеркалами: что в нем может принадлежать известным деятелям, и что физиологическому процессу?

Я не разделяю с госпожою **вой мнения, что зеркала в сем случае были вещию посторонней, мало участвовавшей в явлении. Теперь мода всякий раз, когда мы чего-нибудь не понимаем, говорить: здесь действие электричества, или электрохимии; но в явлениях животного магнетизма действительно нельзя не заметить разительного сходства с электрическими явлениями. Здесь не место перебирать все то, что поддерживает сию гипотезу; напомним только, что всякий живой организм есть электрический снаряд, что всего яснее замечается в известном угле, который для своей защиты, следственно по произволу, производит электрические удары*. Недавно, при производстве доктором Элиотом в Англии** публичных опытов животного магнетизма, замечено, что магнетический сон наступал скорее и продолжительнее, когда он магнетизировал не один, но составлял, брав за руку других присутствовавших, род цепи: явление весьма сходное с умножением звеньев в гальванической цепи, или банок в электрической батарее. К сему должно присоединить любопытное наблюдение, сделанное еще в 1814 году бароном Штромбеком над девушкою, находившеюся в натуральном сомнамбулизме, – повторяю в натуральном, ибо в его суще-

---

* См. по сему предмету любопытные наблюдения Тюрка в его сочинении «Sur la goutte» (1836).

** См. Друга Здравия 1858-го № 28

ствовании по крайней мере никто не сомневается*: она во время кризисов чувствовала приближение кошек и собак, и ощущала к ним отвращение; напротив того, кошка, ни прежде, ни после болезни этой сомнамбулки никогда не ласкавшаяся к ней, старалась всячески приблизиться к сомнамбулке во время ее магнетического состояния, выжидала ее по несколько часов за дверью, терлась у ее ног, как ласковая собака, и даже ударами не могли прогнать это животное. Эта странная привязанность, и именно только во время магнетического состояния больной, весьма замечательна; известно, что кошки от природы как бы переполнены электричеством, и если не ошибаюсь, удовольствие, ими чувствуемое, когда их гладят, происходит не от одной привязанности к человеку, но оттого что (особенно при некотором состоянии атмосферы) они освобождаются от электричества, что легко можно заметить в темной комнате. Подобные явления рассеяны во множестве во всех сочинениях о магнетизме искусственном и натуральном; сведение их вместе, не сомневаюсь, много бы пояснило явления животного магнетизма. По крайней мере, никак нельзя отрицать того, что есть сродство между электрическими и животно-магнетическими явлениями.

Обратимся теперь к гаданию с зеркалами: все народные поверья имеют зародышем какую-либо истину; этот род гаданья не существовал бы с незапамятных времен, если бы иногда не поддерживался более или менее успешными результатами; посмотрим же на это гадание, как на обыкновенный физический опыт и обратим внимание на обстоятельства, его сопровождающие. В зеркалах мы видим прекрасные электрические снаряды с металлическою крышкой и изолятором; гаданье совершается отнюдь не днем, а ночью, при свечах; при горении свечей образу-

---

* Это наблюдение находится в книге: *Histoire de la guérison d'une jeune personne par le magnétisme animal, produit par la nature elle même.* Paris 1814.

ется, между прочим, уголь, переходящий в состояние углекислого газа; а по наблюдению Пулье* при переходе одного грамма угля в состояние углекислоты, образуется столько электричества, что им можно зарядить лейденскую банку; следственно, вот еще электрический деятель; не играет ли тут ролю и отражение зеркал? Мы знаем в опытах поляризации какое различие существует между отраженным под некоторыми углами и естественным лучом света**, мы не знаем еще физических свойств *многократного* отражения, хотя оно и вычислено математически; заметим еще, что магнитная стрелка уклоняется днем к западу от восхождения солнца до полудня и возвращается к востоку до восьми часов вечера, а напротив ночью пребывает неподвижною, как будто прикованная какою-то силою***. Вот внешние физические обстоятельства при сем явлении; нельзя не согласиться, что электричество должно играть в сем случае некоторую роль.

Обратимся к гадающему; нам известна, независимо от животного-магнетических явлений, способность человека видеть сны, то есть живое представление предметов воображаемых; во сне не существует ни пространство, ни время; мы переходим быстро в сновидениях из одной страны в другую и вызываем и живых и мертвых; большая или меньшая возможность видеть во сне происшествие, которое должно случиться через некоторое время, испытана почти каждым из нас; легкость сна не препятствует иметь сновидение, напротив способствует; в полусне грезы особенно живы и часто мешаются с действительными происшествиями; эта способность может быть усилена управлением, как заметил Жан-Поль Рихтер в своих любопытных наблюдениях над сновидениями; наконец способность

---

* Pouillet – Physique

** Араго предлагал на основании сего различия определить, имеют ли кометы свой собственный или заимствованный свет.

*** Гумбольдт – Кетеле

предчувствовать дана всем людям и во многих может простираться до видимых представлений; описанная Бальзаком способность, какую имел его товарищ – предчувствовать местоположение, в котором он никогда не был, замечается во многих людях, особливо одаренных сильною *памятью мест*, которая в этом случае доходит до степени воображения; возможность быть в состоянии полусна, словом, почти наяву видеть грезы, испытали многие, между прочим Гете: он сам сохранил в своем жизнеописании смешные подробности этого видения. Однажды, во время поездки в Друзенгейм, он видел перед собою собственное свое подобие или другого себя, в белом вышитом золотыми цветами жилете, которого он, впрочем, никогда не носил; восемь лет спустя, он ехал по той же дороге, и с удивлением заметил, что на нем, по странному стечению обстоятельств, в этот раз действительно был надет белый жилет с золотыми цветами, точно такой, какой он видел на своем двойнике. Нет сомнения, что если бы Гете не обладал тем могущественным спокойствием духа, которое его характеризовало, то двойник его не представился бы ему с столь прозаическими принадлежностями, но в каком-либо более поразительном виде; наконец, вспомним рассказы о столь известном *втором зрении* горных шотландцев, существование которого не подлежит ныне ни малейшему сомнению. Заметим еще, что ночь производит особенное влияние на наш организм; заметим особенного рода лихорадку, бывающую около полуночи, и всякий на себе заметил возвышенное состояние нервной системы в сие время суток; опытный ученый, Иосиф Франк, советует врачам отнюдь не упускать из вида влияние на организм не только времени дня и ночи, но и эпох равноденствия и лунных периодов.

Все эти соображения, с одной стороны: электрический характер внешних физических обстоятельств, с другой: *предрасполагающие* причины к возвышенному нервному состоянию, проливают, по моему мнению, некото-

рый свет на предмет, нами рассматриваемый. Этих соображений, к сожалению, слишком мало для полного объяснения сих чудных явлений, но по крайней мере из них можно, если не ошибаюсь, вывести следующую истину, а именно: «что все эти чудные явления, подобные вышеописанным, не суть какие либо исключения из общего порядка природы, но могут быть названы явлениями физиологическими или, для отличия, вообще *физиопсихическими*, а в некоторых случаях *электропсихическими* явлениями, общими всем людям, как сон, бдение, пищеварение, и, при благоприятных обстоятельствах, могут быть произведены каждым из нас, хотя и в разной степени совершенства; и что если мы будем смотреть на них, как на обыкновенные, естественные деяния, доступные нашему разумению, без сомнения можем уловить и законы, на коих они основаны. – Для подтверждения сей истины необходимо бы людям, одаренным (подобно особе, о которой доставлено нам описание) столь счастливою организацией в сем отношении, откинув напрасный страх при подобных опытах, но приступать к ним с тою же хладнокровною осмотрительностию и с тем же вниманием ко всем окружающим обстоятельствам, с какою химик принимается за анализ неизвестного ему тела, физик за тонкие электрические опыты, врач за наблюдение действия, производимого на его собственный организм новым для него веществом. Нет сомнения, что при большем хладнокровии со стороны наблюдателей, чему счастливый пример мы видим в докторе Эллиотсоне, многое в сих непонятных явлениях сделается покорным воле человека, или по крайней мере естественное не будет смешиваться с действительно необъяснимым. Первые опыты над электричеством, над силою паров, самое лечение болезней так же иногда казались чем-то страшным, таинственным; простолюдин до сих пор смотрит на лабораторию химика с каким-то ужасом; но от светлых лучей знания мало-помалу рассеиваются все эти ложные страхи, человек открывает

новую область своему могуществу и деятельности, а то, что было добычею суеверия – становится смиренной главою в наших *Руководствах к Физике* для употребления в классах. Правда, при сем уничтожается поэзия народных поверий, – но разве в гордом знании человека нет своей, еще более возвышенной, поэзии?

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	3
Житие и страдание отца и монаха Авеля	5
Пророк в своем отечестве. <i>В. Меньшов.</i>	7
Предсказатель и монах Авель. («Русская Старина», 1875, № 2)	25
Житие и страдание отца и монаха Авеля	28
Часть I и зачало первое	28
Зачало второе	29
Зачало третье	31
Часть II • зачало четвертое	32
Зачало пятое	34
Зачало шестое	36
Часть III • зачало седьмое	38
Прорицатель Авель («Русский Архив», 1878, № 7)	40
Переписка монаха Авеля с графиней Потемкиной. Из бумаг графини Потемкиной. («Русская Старина», 1875, № 2)	60
Предсказатель монах Авель в 1812–1826 годах. Сообщение Н. Розанова. (Листки из записной книжки, «Русская Старина», 1875, № 4.)	72

В.Ф. Одоевский

«Колдовство XIX века»:

*Письма к графине Е.П. Р...-ой о привидениях, суеверных
страхах, обманах чувств, кабалистике, алхимии и других
таинственных науках* 81

Письмо первое 83

Письмо второе 88

Письмо третье 102

Письмо четвертое 110

Колдовство XIX века.
Письмо пятое 122

**Издательство «СПЕЦКНИГА»
представляет новинки 2005 года**

**Арон Симанович
«РАСПУТИН И ЕВРЕИ»**

Арон Симанович, автор воспоминаний о Григории Распутине, лукавит, называя себя секретарем Распутина. Он был более серьезной фигурой, скорее его финансистом, связующим звеном между «старцем» и крупным капиталом. Тем ценнее его воспоминания. Книга, которую читатель держит в руках, значительно шире, чем обозначено в названии. Это жизнеописание самой, пожалуй, таинственной и спорной фигуры в российской истории XX века, жизнеописание, охватывающее период от появления Распутина в Петербурге до его убийства. Долгое время воспоминания Симановича служили основным, а порой и единственным источником при изучении безусловно феноменального, как бы к нему ни относиться, явления по имени Распутин. Главы книги короткие, повествование стремительно, как и жизнь главного героя воспоминаний. В издание включены также обычно опускаемые главы о событиях, происходивших после смерти Распутина.

**Издательство «СПЕЦКНИГА»
представляет новинки 2005 года**

**Вадим Чернобров
«ЭКСПЕДИЦИИ ЗА ТАЙНОЙ»**

Вадим Александрович Чернобров – координатор исследовательского объединения «Космопоиск», организатор и участник более ста экспедиций в аномальные зоны России. И не только России. Он пытался разгадать тайны Горы Мертвецов, шел по следам Снежного Человека, ловил шаровые молнии на Медведицкой гряде, караулил привидения в замке Ольшанский, поднимался на гору Арарат в поисках ковчега Ноя. В книге собраны рассказы о наиболее интересных путешествиях профессионального охотника за Тайной. Лучше один раз прочитать, чем сто раз услышать пересказы.

**Издательство «СПЕЦКНИГА»
представляет новинки 2005 года**

**Елена Филякова
«НОСТРАДАМУС ПО-РУССКИ»**

В России было много провидцев, прозорливцев, предсказателей. У каждого – своя судьба, замысловатый жизненный путь. Под одной обложкой собраны рассказы о вещем монахе Авеле и юродивых, об Оптиных старцах, постигавших будущее внутренним зрением, о гадалке Киргхоф, предсказавшей гибель Пушкина, Лермонтова и Грибоедова, а также о многих других. Все герои книги – люди очень разные, но все они оставили свой след в русской истории.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

Житие и страдание отца и монаха Авеля

Одоевский В. Ф.

Колдовство XIX века:

**Письма к графине Е.П. Р...-ой о привидениях,
суеверных страхах, обманах чувств, кабалистике, алхимии
и других таинственных науках**

Редактор В. Меньшов

Дизайн и верстка В. Брызгалова

ООО «Спецкнига»

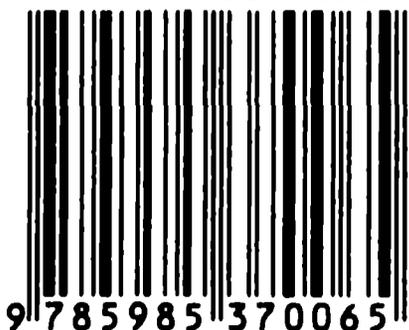
109240, Москва, Лыщиков пер., д. 5, стр. 1

www.specialbook.net

info@specialbook.net

Телефон для оптовых покупателей: 8(926)111-2354

ISBN 5-98537-006-2

Подписано в печать 03. 04. 2005. Формат 60x90/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewBaskerville. Усл. печ. л. 9,0.

Тираж 2000 экз. Заказ № 217.

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»,

107005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

